

ПРОТИВНИКИ ФРИДРИХА ВЕЛИКАГО.

АНРАССОНЪ И БЕСТУЖЕВЪ-РЮНИНЪ (*).

1758—1759 г.

V.

СМЕРТЬ И ССЫЛКА.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля 1758 года, какъ мы видѣли, дѣло надъ Бестужевымъ приведено было къ окончанію: «неликвіпріятные» судьи, съ помощію ловкаго секретаря комиссіи, составили всеподданнѣйшій докладъ. Вышеприведенное извлеченіе изъ этого въ высшей степени характеристическаго документа достаточно показало намъ, въ какой мѣрѣ были «совѣстливы» судьи, къ какимъ безцеремоннымъ фразамъ прибѣгали они, за неимѣніемъ фактовъ, чтобы только привалить, такъ сказать, послѣдній камень надъ своимъ страшнымъ соперникомъ. Да, этотъ соперникъ былъ для нихъ страшенъ: 18 лѣтъ они тщетно боролись съ нимъ, и теперь, когда обстоятельства по-благопріятствовали имъ, съ какой энергіей принялись они подбирать противъ него обвиненія. Слѣдователи въ этомъ случаѣ не останавливались ни предъ какой работой: они предписали чрезъ Иностранную Коллегію всѣмъ посламъ и уполномоченнымъ

(*) «Военный Сборникъ», *ММ* 4 в 5.

Россіи при иностранныхъ дворахъ прислать копіи съ депешъ, которыя они получали отъ графа Бестужева съ тѣхъ поръ, какъ тотъ управлялъ дѣлами. Понятно, что цѣль этого предписанія была найдти въ депешахъ къ нимъ что либо преступное. Говорили, будто Бестужевъ писалъ что хотѣлъ и въ противность воли и приказаній императрицы. Но такъ какъ Елисавета, по свидѣтельству лицъ, весьма къ ней приближенныхъ, въ послѣдніе годы ничего не писала и не подписывала, то трудно было дѣйствовать противъ ея приказаній; что же касается до личныхъ повелѣній, то она почти вовсе не давала ихъ великому канцлеру. По увѣренію современницы, Бестужевъ по цѣлымъ годамъ не имѣлъ даже случая видѣть императрицу; а личные повелѣнія, черезъ третье лицо, если разбирать строго, могли быть дурно поняты, дурно переданы и дурно исполнены.

Но и изъ этого распоряженія комиссіи, распоряженія, къ которому члены прибѣгли почта въ самомъ началѣ слѣдствія, ничего не вышло: «никто изъ чиновниковъ—такъ рассказываетъ та же современница — не захотѣлъ дать себѣ труда перебирать свой архивъ за двадцать лѣтъ и снимать копіи для того, чтобъ отыскивать въ нихъ преступленія противъ челоуѣка, по распоряженіямъ и инструкціямъ котораго они дѣйствовали, слѣдовательно сами могли быть замѣшаны и донесли бы на самихъ себя. Кромѣ того, одна пересылка такихъ архивовъ должна была ввести казну въ значительныя издержки; а по привозѣ въ Петербургъ нужны были многіе годы и много терпѣливыхъ людей, чтобъ отыскать и дорыться въ этихъ бумагахъ, чего въ нихъ, можетъ быть, вовсе не было. Такимъ образомъ, эти предписанія никогда не были исполнены»... Приведенному разсказу нѣсколько противорѣчатъ подлинныя документы: изъ нихъ видно, что первые подобныя ордера судей не могли оставаться не исполненными: со всѣхъ сторонъ присылались разныя бумаги, имѣвшія какое либо отношеніе къ Бестужеву. Такъ, между прочимъ, почтъ-директоръ Пестель долженъ былъ представить письма, полученныя въ почтамтѣ на имя бывшаго канцлера. А при этомъ писалъ къ почтъ-директору А. И. Шуваловъ: «вамъ рекомендую объ ономъ никому не сказывать, а содержать секретно, подъ опасеніемъ за неисполненіе по сему Высочайшаго Ея Императорскаго Величества гнѣва». (*)

(*) Письмо графа А. И. Шувалова къ Пестелю 25 февраля 1788 года.

Но, въ присланныхъ бумагахъ да въ захваченныхъ у Бестужева на дому документахъ, судьи, какъ мы видѣли, нашли весьма и весьма немного такого, что было пригодно обвинителямъ. Преступлений, которыя бы оправдывали поспѣшный арестъ, а тѣмъ болѣе слишкомъ скорую публикацію, поставившую арестанта въ разрядъ наиважнѣйшихъ государственныхъ преступниковъ, преступлений такихъ не оказывалось; «публика», а затѣмъ и «солдатство» толковали уже о Бестужевѣ, какъ о жертвѣ интригъ и личной ненависти Шуваловыхъ. Надо же было увѣрить всѣхъ, что за нимъ дѣйствительно объявились или имѣютъ объявиться страшныя преступленія. И вотъ, съ этою цѣлью, «судьи» окружаютъ арестанта-канцлера громадною стражею и даютъ ей относительно содержанія преступника самыя строгія инструкціи. По этому случаю весьма интересно заглянуть въ «журналы исходящимъ и входящимъ письмамъ *известнаю* мѣста и отъ подлежащихъ мѣсту, учиненнаго 15 февраля 1758 года по апрѣль 1759». Это толстыя рукописи, въ листъ величиною, съ истлѣвшими углами и слившимися отъ сырости листами. Здѣсь вписано, и хотя съ трудомъ, но можно разобрать много интересныхъ документовъ. Тутъ ордера караульнымъ офицерамъ отъ генераль-поручика Нащокина, высшему надзору котораго были поручены Бестужевъ и его союзники; тутъ же вписаны самыя обстоятельныя рапорты офицеровъ къ «вышнему начальству», записки о выдачѣ денегъ арестантамъ на домовые расходы, рапорты о болѣзни канцлера и т. п. Не пугаясь пыли и гнили, перелистуемъ ихъ поосторожнѣе да поищемъ въ нихъ подробностей о содержаніи великихъ преступниковъ. Съ канцлеромъ одновременно арестовано было нѣсколько чело­вѣкъ: такъ въ собственномъ его домѣ, на мѣстѣ нынѣшняго сената, были заперты съ Бестужевымъ жена его и сынъ, двора ея величества пажъ Бетхеръ, почтовой канцеляріи регистраторъ по фамиліи Канцлеръ, да служители: Иванъ Никоновъ, Борисъ Матвѣевъ, Алексѣй Нагаевъ, чухна Яковъ и другіе, изъ которыхъ довѣреннѣйшій слуга Бестужева Дмитрій Рѣдкинъ въ особенности долженъ былъ нести на себѣ всѣ тягости ареста. Затѣмъ въ своихъ домахъ заперты были Василій Адауровъ, золотнаго дѣла мастеръ Бернгарди и жена регистратора Канцлера.

Чѣмъ меньше успѣвали судьи въ подборѣ преступлений, чѣмъ труднѣе доводилось имъ спутывать и застрачивать Рюмина, тѣмъ суровѣе дѣлалось заточеніе послѣдняго. То тотъ, то дру-

гой изъ членовъ комиссiи лично навѣдывались, дѣйствительно ли выполняются инструкціи о содержаніи арестантовъ. Такъ, напримѣръ, мѣсяца полтора спустя послѣ заточенія графа Алексѣя Петровича, правительствующаго сената генераль-прокуроръ Никита Юрьевичъ Трубецкой, его личный врагъ, строго-на-строго приказалъ караульному: «у Алексѣя Бестужева-Рюмина поставить часоваго съ обнаженной шпагой; кушанье арестанту подавать особенно, одному; въ продолженіе стола присутствовать сержанту съ вилкой и ножемъ; все, что нужно обрѣзывать, то дѣлать это сержанту, а отнюдь ни ножа, ни вилки арестанту не давать, чтобъ онъ не могъ чѣмъ себя повредить. Сержантантъ и часовымъ быть въ его комнатѣ неотлучно, посмѣнно. Лекарства, даваемые Бестужеву отъ профессора Бургава, по мѣрѣ надобности, давать ему при солдатѣ; хрустальнымъ стаканамъ, рюжкамъ и прочему быть на преж. емъ же столѣ (вѣроятно, подъ наблюденіемъ особеннаго часоваго). Въ объявленную комнату, кромѣ служителя Рѣдкина, никого не впускать. Когда же Рѣдкина кликнетъ извѣстная персона, то часовому подходить ближе, дабы слышно было, что персона приказываетъ, и, когда чуть сомнительно что скажетъ, рапортовать. Бумаги, какія есть, какимъ чрезвычайнымъ случаемъ, а особенно если на нихъ какая надпись явится, то ихъ не бросать, а представлять по командѣ, прочія жъ бросать въ печь, и никакихъ бумажныхъ лоскутковъ, ни отнюдь карандашей, въ покоѣ извѣстной персоны не имѣть.» Относительно же самого Рѣдкина, изъ-за того, что онъ впускаемъ былъ въ покой столь страшнаго преступника, наикрѣпчайше предписывалось: не только не позволять ему говорить съ кѣмъ бы то ни было, но и изъ покоя не выпускать. «Если же извѣстной персонѣ понадобится онъ для подачи пищи и питья, то бѣ оное подавали чрезъ него караульные солдаты. А ежели что и кѣмъ нибудь, гласилъ ордеръ, пренебрежено будетъ, и слабо поступлено, въ томъ къ тягчайшему отвѣту каждый себя подвергнуть можетъ.» Предписанія касались самыхъ мелочныхъ подробностей: такъ Рѣдкина для нужды выпускали въ сѣни съ солдатомъ; «кухмистра» для полученія приказаній относительно обѣда впускали въ извѣстную часть, и т. п. Малѣйшее уклоненіе отъ предписанія со стороны ли караульныхъ солдатъ, или запертыхъ служителей извѣстной персоны влекло къ штрафованію ихъ «палкою», при собраніи другихъ, «дабы и оныя того чинить не отваживались».

Домъ канцлера, нѣкогда блиставшій убранствомъ, драгоценными подарками разныхъ высокихъ особъ и прекрасными картинами, домъ, въ покояхъ котораго такъ еще недавно можно было видѣть представителей всѣхъ европейскихъ дворовъ и знатнѣйшихъ сановниковъ Русской имперіи, представлялъ печальное зрѣлище: наполненный и оцѣпленный солдатами, онъ угрюмо смотрѣлъ своими заколоченными окнами на пустынную площадь къ Исакию и къ канатному двору, примыкавшему къ нему со стороны Галерной. Вокругъ него, кромѣ часовыхъ, безпрестанно сновали «министерскіе» досмотрщики. Зорко, пытливо выглядывали они, не пробирается ли кто къ дому съ таинственной пидулкой отъ кого нибудь изъ друзей опальнаго. Невесело было внѣ дома; еще угрюмѣе, еще тоскливѣе внутри: въ одномъ покоѣ плачетъ супруга канцлера, женщина слабая и скромная; въ другомъ «сердитуетъ» единственный, безпутный сынъ графа, плохое утѣшеніе отца; а вотъ и самъ отецъ. Лукавый старикъ, онъ вѣренъ себѣ до конца: какъ неподражаемо искусно разыгрываетъ онъ роль страдальца, злополучной жертвы предъ озлобленными судьями, такъ не менѣе искусно держитъ онъ себя и здѣсь. Графъ Алексій Петровичъ ни на минуту не забываетъ, что на него устремлены глаза соглядатаевъ, и вотъ, сидя въ креслахъ, онъ стонетъ, блѣдный, истомленный, жалуется на болѣзнь, непрестанное біеніе сердца и въ вискахъ боль, слѣдствіе великаго огорченія; голосомъ умирающаго молить онъ о позволеніи проститься съ женой и сыномъ, а главное о допускѣ къ нему духовнаго врача съ причастіемъ тѣла и крови Христовой... Быть можетъ, положеніе страдальца, имѣющаго къ «смерти крайнюю опасность», такъ могъ думать Бестужевъ, вызоветъ милосердную монархиню на снисхожденіе...

«Жестокій и строгій арестъ, при чемъ на полномъ коштѣ арестанта содержалась и многочисленная его стража, продолжался 14 мѣсяцевъ.» (*) Во все это время «жестокость и строгость» заточенія одинаково были распространены и на второстепенныхъ союзниковъ канцлера: такъ пажа Бетхера (**), а еще болѣе регистратора Канцлера предписано было содержать съ самою строгостію: «никого, ниже домашнихъ, къ нему, къ Канцлеру, не допускать, и съ нимъ никому не разговаривать, бумаги, чер-

(*) Содержаніе это обошлось Бестужеву въ 14 мѣсяцевъ почти въ 23,000 р.

(**) Объ этой личности мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

нилъ, карандаша и ничего, чѣмъ можно писать, или на бумагѣ чертить отнюдь ему не давать; о просьбахъ отъ него, какія будутъ караульнымъ о какой ему надобности, тотчасъ, ничего ему не отвѣчая, рапортовать; ножа, вилокъ, булавокъ и прочаго, чѣмъ можно челоуѣку себя уязвить, отнюдь въ руки ему не давать и въ горницѣ той, гдѣ содержится, не вить; кафтана, камзола съ пуговицами ему не надѣвать, а быть въ тулупѣ; къ окошку не допускать, ночью чтобъ спалъ въ тулупѣ, а одѣломъ бы не окрывался, дабы не могъ себя, окрывая, тайно повредить», и проч.

Но въ то время, когда въ такой «пужѣ» содержали Бестужева и его второстепенныхъ пособниковъ, когда перваго терзали частыми и длинными допросами, какъ относились къ Степану Федоровичу Апраксину? О немъ въ теченіе двухъ почти мѣсяцевъ, казалось, совершенно забыли. Вспомнимъ допросы Бестужеву: ни въ одномъ изъ нихъ Апраксинъ не выставлялся столь важнымъ преступникомъ, какимъ выдвигали канцлера; о немъ упоминали вскользь, а одинъ вопросъ, который непосредственно касался фельдмаршала, былъ даже вычеркнутъ самими судьями. Явно, что какое-то снисхожденіе оказывалось Апраксину. Оно и понятно: Ивану, Петру и Александру Шуваловымъ, также Трубецкому, Волкову, Бутурлину и Воронцовымъ нужно было повалить Бестужева, они и спѣшили это сдѣлать и напрягали къ тому всѣ усилія; въ гибели же Апраксина никто изъ нихъ особенно не нуждался. Притомъ же (вновь опираемся на свидѣтельство Екатерины), друзья фельдмаршала, дочь его, славная красавица Елена Степановна, и Петръ Шуваловъ употребляли всевозможныя мѣры и прибѣгали ко всѣмъ средствамъ, чтобы потушить гнѣвъ императрицы.

Преступленія Бестужева, однако, были подобраны, оставлять долѣе Апраксина въ его богато-убранной «темницѣ», т. е. во дворцѣ, который былъ въ Четырерукомѣ, въ совершенномъ спокойствіи было уже нельзя, и вотъ коммиссія сдѣлала краткую выборку «винъ» бывшаго канцлера Бестужева и противъ нихъ, но несравненно въ меньшихъ размѣрахъ, выписала «вины фельдмаршала Апраксина». Приведемъ и тѣ и другія, въ немногихъ строкахъ:

Бестужевъ-Рюминъ: 1) Клеветалъ Ея Императорскому Величеству на Ихъ Высочества, а въ то же время преогорчалъ Ихъ Высочества противъ государыни.

2) Для прихотей не только не исполнял указовъ, но еще потаенными происками противился ихъ исполненію.

3) Явился государственнымъ преступникомъ, потому что не доносилъ Ея Величеству о неимѣніи у Апраксина желанія выступать изъ Риги. Въ этомъ Бестужевъ не приноситъ никакого оправданія, но признаетъ себя виновнымъ.

4) Оскорбителемъ Величества онъ объявился потому, что, презрѣвъ силу указовъ, вздумалъ, что можетъ то лучше исправить самъ собою, и тѣмъ, что вплелъ въ непозволенную переписку такую персону, которой въ дѣлахъ никакого участія имѣть не надлежало, а чрезъ то нечувствительно въ самодержавное государство вводилъ соправителей и самъ соправителемъ дѣлался.

5) Будучи подъ арестомъ, письменно открылъ такія тайны, о которыхъ ему и говорить было запрещено, подъ страхомъ смертной казни.

6) Подъ арестомъ не только умышленно предпріялъ разные хитрости обо всемъ, но еще и другихъ тому жъ началъ.

7) Присяги и страшныхъ тайнъ многократно былъ преступникъ.

8) «Впрочемъ, другихъ мерзостныхъ интригъ столь много, что всѣхъ и описать невозможно.»

Этого нельзя было сказать о другѣ великаго канцлера: за Апраксинымъ описали всего *два* преступления:

1) Онъ оказалъ «запинаніе къ началію» войны противъ короля прусскаго, такъ какъ зналъ, что Ихъ Высочества весьма были склонны къ Фридриху II.

А затѣмъ явно оказывается, что 2) если Бестужевъ втянулъ великую княгиню въ непозволенную переписку, такъ Апраксинъ подалъ ему поводъ стараться завести эту переписку. Во всѣхъ письмахъ къ Бестужеву Апраксинъ жаловался, для чего получаетъ указы, противные тому, что при отъѣздѣ говорено, согласовано и постановлено было. При этихъ жалобахъ главнокомандующій разумѣлъ не что иное, какъ склонность великой княгини, что наконецъ и она согласна къ началію военныхъ дѣйствій.

Чтобъ подтвердить, однако, «оказательства» за Апраксинымъ преступленій, комиссія должна была наконецъ приступить къ допросамъ самому преступнику. Поэтому, лишь только завершили

дѣло надъ канцлеромъ, составили вопросные пункты фельдмаршалу и испросили Высочайшаго разрѣшенія ѣхать къ нему въ «Четыре Руки». (*) Но наступила страстная недѣля (12 апрѣля), затѣмъ пошли праздники, и только по истеченіи ихъ комиссія нашла возможнымъ вновь испросить Высочайшаго повелѣнія о своей поѣздкѣ: «толь паче, доводила комиссія до свѣдѣнія государыни, что нашлись въ его же съ Бестужевымъ перепискѣ вновь нѣкоторые важные пункты».

Эти важные пункты были изложены на бумагѣ. 6 мая, въ среду, Степанъ Ѳедоровичъ былъ спрошенъ по нимъ; отвѣты его записали. Сведемъ и вопросы и отвѣты въ одну общую бесѣду:

«Ты показалъ, что всѣхъ писемъ отъ великой княгини получилъ шесть; но бывшій канцлеръ неотмѣнно утверждаетъ, что онъ переслалъ три, много четыре. Черезъ кого же прочія были получены?»

— Хотя мнѣ и памятуется, отвѣчалъ Апраксинъ:—что отъ великой княгини было шесть писемъ, однакожь, конечно, того не помню, чтобъ получилъ ихъ черезъ кого иного, кромѣ какъ черезъ Бестужева, такъ что когда я послалъ однажды отъ себя письмо черезъ Измайлова, то великая княгиня тотчасъ мнѣ выговаривала, для чего сталъ я употреблять другіе каналы. Жалѣю, что это письмо между другими изодрано, о чемъ, впрочемъ, я и доносишь (**).

«Неотмѣнно бывшій канцлеръ утверждаетъ, что никакихъ отвѣтовъ не получалъ. Черезъ кого жъ они были отправляемы?»

— Памятуется, что всѣхъ моихъ писемъ къ великой княгинѣ было два: одно послано, какъ я сказалъ, черезъ Измайлова, другое, какъ кажется, черезъ бывшаго канцлера. Если же черезъ кого другаго послалъ, то, конечно, того не помню, иначе не скрылъ бы, такъ какъ не почиталъ того важностію, что и утверждаю клятвою.

«Генераль-квартирмейстеръ Веймарнъ въ допросѣ показалъ, что когда онъ, по приѣздѣ въ Ригу, вручилъ тебѣ письмо великой княгини и при томъ же пересказалъ, что ему поручено

(*) Такъ названо это мѣсто въ докладѣ комиссіи. На фундаментѣ бывшаго здѣсь дворца, въ 9 верстахъ отъ Петербурга, нынѣ стоитъ гостинница. Въ сочиненіяхъ Бантышъ-Каменскаго, Бороздина и Нащокина объ Апраксинѣ, мѣсто его заточенія названо *Трерукое*.

(**) Въ письмѣ отъ 8 апрѣля, на имя гр. А. И. Шувалова.

было сказать тебѣ отъ канцлера, то ты рассердился.. и проч. (слѣдуетъ извѣстное уже намъ выраженіе Апраксина о канцлеровыхъ финтахъ и сличеніе имъ полученнаго письма съ прежними). Итакъ, тебѣ слѣдуетъ очистить: съ какимъ ты письмомъ сличалъ руку, сколько предъидущихъ было получено, кѣмъ были доставлены, какого были содержанія, и особливо не было ли въ нихъ, вмѣсто побужденія къ походу, отсовѣтыванія отъ онаго?»

— Дѣйствительно, Веймарнъ привезъ ко мнѣ письмо великой княгини, быть можетъ я и назвалъ его канцлерскою финтою, какою дѣйствительно его и признаю, такъ какъ складъ письма не великой княгини, а канцлера. Съ чѣмъ же я сличалъ то письмо, хорошенько не помню, а вѣроятно съ бывшимъ у меня прежде письмомъ великой княгини о примиреніи съ гетманомъ (Кирилломъ Разумовскимъ). Писемъ же о воздержаніи отъ похода, конечно, не имѣлъ.

За этимъ отвѣтомъ, судьи требовали изъясненія извѣстнаго намъ мѣста въ письмѣ фельдмаршала къ канцлеру отъ 17 февраля 1757 года, гдѣ Апраксинъ скорбѣлъ, что остается въ невѣдѣніи о подлинныхъ «сентиментахъ» своего друга, «которые иногда по обстоятельствамъ не перемѣнились ли?»

На это щекотливое требованіе изъяснить тѣ именно слова, смыслъ которыхъ старательно былъ закрытъ отъ всякаго другаго, кромѣ Бестужева, Апраксинъ, разумѣется, отвѣчалъ уклончиво:

— Канцлеръ прежде соглашался, чтобы изъ Риги зимою не идти и къ тому меня не побуждать, а между тѣмъ, понужденія чинены были непрестанно; въ этомъ я и видѣлъ отиѣну канцлерскихъ сентиментовъ.

«Покажи, о какихъ двухъ, весьма важныхъ, примѣчаніяхъ, присланныхъ къ тебѣ отъ бывшаго канцлера, упоминаешь ты въ письмѣ отъ 12 іюля.»

— Не помню.

«Слова Бестужева Веймарцу: увѣрь фельдмаршала, что сіе письмо (которое я къ нему посылаю чрезъ тебя) именно великой княгини и ся рукою писано, и скажи, чтобъ онъ не сомнѣвался ничего (см. гл. IV), достаточно показывають, что въ внутреннія другъ у друга мнѣнія весьма хорошо разумѣли. И потому ты прямо долженъ показать, для чего побудительному письму великой княгини не увѣрялся и для чего назвалъ его

канцлерскою фантою? Твое сумнѣніе показываетъ, что ты о мнѣніяхъ великой княгини иначе увѣренъ былъ.»

— Признаваю, какъ я ужъ и говорилъ, что, быть можетъ, имѣлъ я, да и сказалъ бывшему канцлеру, свое записаніе къ началію войны противъ короля прусскаго. Я зналъ, до отъѣзда еще изъ Петербурга, о склонности Ихъ Высочествъ къ королю прусскому. Склонность эта не была тайною ни для кого. Вотъ почему я нескоро повѣрилъ и удивился, какъ возмогъ бывший канцлеръ такъ скоро привести Ея Высочество на другія мысли. Несмотря, однако, на это, я хотѣлъ идти въ походъ въ прямое время, а не зимою, такъ какъ видѣлъ, что зимній походъ былъ бы для арміи весьма разорителенъ.

Въ слѣдующемъ вопросномъ пунктѣ комиссія вновь добивалась узнать объ объемѣ и содержаніи апраксинско-екатерининской корреспонденціи: «всемѣрно надобно — требовали судьи — чтобъ ты показалъ, чрезъ кого свои отвѣты присылалъ и сколько ихъ всѣхъ было, ибо нечаятельно, чтобъ ты такъ рѣдко отвѣтствовалъ бы: великая княгиня, конечно, приняла бы это за пренебреженіе и, вѣрно, не написала бы поздравительнаго письма.»

На настойчивое требованіе фельдмаршалъ отвѣчалъ ссылкой на прежніе свои отвѣты. Вообще нельзя не замѣтить, что Апраксинъ отвѣчалъ съ большимъ хладнокровіемъ и разсудительностію. Друзья его, какъ видно, работали для него прекрасно; едва ли ошибемся, если предположимъ, что всѣ показанія «бывшаго канцлера» были ему предварительно извѣстны. Зная ихъ, Апраксинъ могъ показывать такъ, что ни одно его слово ни сколько не компрометировало никого изъ замѣшанныхъ въ дѣло, такъ что надо было искусство Волкова и все озлобленіе Шуваловыхъ, Трубецкаго да Бутурлина, чтобы выбрать изъ отвѣтовъ фельдмаршала мало-мальски серьезныя обвиненія. Не отчаяваясь, однако, подыскать ихъ, неотвязчивый Волковъ отъ лица всей комиссіи требовалъ отъ подсудимаго: разъяснить, что онъ именно разумѣлъ подъ словомъ «за наидрагоценнѣйшее сокровище себя всегда почитаю». Эти слова нашли судьи въ благодарственномъ письмѣ Апраксина къ Бестужеву отъ 4 марта 1757 года (см. гл. IV).

«Трудно чаять — говорилъ и писалъ между прочимъ Волковъ — что одни увѣренія о дружбѣ Бестужева были тебѣ толь

драгоценнымъ сокровищемъ. Покажи *прямое* сей дружбы основаніе.»

— «Наидрагоценнѣйшимъ для себя сокровищемъ», называлъ я, отвѣчалъ фельдмаршалъ: — письмо ко мнѣ великой княгини, пересланное канцлеромъ.

Съ обычною пытливостію разобрано было комиссіей извѣстное намъ письмо Апраксина къ Бестужеву отъ 9 марта 1757 года, письмо, которое, какъ мы видѣли выше, было составлено съ особеннымъ искусствомъ въ томъ отношеніи, что оно было совершенно двусмысленно (см. гл. IV). Это замѣтила и комиссія.

«Письмо отъ 9 марта—записалъ въ вопросные пункты Волковъ — содержитъ въ себѣ многіе весьма важныя и примѣчанія достойныя пассажи; каждый изъ нихъ не только одинъ съ другимъ связанъ, но и часто имѣетъ другое знаменованіе....» Изъ внимательнаго разбора таинственной грамотки Волковъ сдѣлалъ то заключеніе, что Веймарнъ затѣмъ и присланъ былъ въ Петербургъ, чтобы «ближайшее объясненіе получить отъ Бестужева». «По этому пункту — продолжалъ секретарь комиссіи — кажется, надлежитъ не токмо допрашивать Веймарна, но едва ли и безъ очныхъ ставокъ обойтись можно будетъ.»

Въ ожиданіи ихъ Апраксинъ долженъ былъ изъяснить смыслъ длинной выписки, переведенной на русскій языкъ изъ его письма. Письмо это продиктовано было Веймарну по-нѣмецки, 9 марта 1757 года. Изъясненіе, разумѣется, было совершенно въ прежнемъ родѣ,

— Не помню, изъяснялъ фельдмаршалъ:—съ какими партикулярными наставленіями отправлялъ я Веймарна; что же относится до переменъ сентиментовъ, то я выговаривалъ этимъ канцлеру: для чего, согласившись сперва здѣсь на мѣстѣ зимою ничего не начинать, онъ сталъ вдругъ великія понужденія дѣлать къ выступленію моему изъ Риги. Притомъ, я дѣйствительно не видалъ, что великая княгиня переимѣнила свои мнѣнія относительно прусскаго короля.

Между тѣмъ, допросили Веймарна. Генералъ-квартирмейстеръ, несмотря на всѣ улики, доказательства, увѣщанія, угрозы и на самый арестъ, сталъ на томъ, что Апраксинъ никогда не посылалъ его къ Бестужеву съ словесными секретными наставленіями. Твердилъ же онъ и толковалъ только то, что написано было въ письмѣ: «все, что я слышалъ отъ Апраксина какъ въ

Ригъ, такъ и въ походѣ, это неоднократно повторенный мнѣ отзывъ о Бестужевахъ: канцлеръ-де подкупленъ вѣнскимъ и саксонскимъ дворами; онъ посылаетъ меня на жертву, но я себя не продамъ».

Крайне недовольная показаніемъ Веймарна, комиссія нашлась вынужденною допытываться у одного Апраксина, что тотъ «разумѣлъ подъ переменною сентиментовъ и системы».

Это былъ послѣдній допросный пунктъ. Представляя его Апраксину, комиссія нашла нужнымъ довести до его свѣдѣнія содержаніе отвѣта Веймарна. Понятно, что Апраксинъ не затруднился подтвердить маловажныя показанія генераль-квартирмейстера, но новаго ничего не прибавилъ.

— Правда, показывалъ онъ между прочимъ:—я говорилъ о канцлерѣ, что онъ подкупленъ вѣнскимъ и саксонскимъ дворами, да и теперь то же думаю, но только по одному мнѣнію (*): я ничего о томъ положительно не знаю. Въ противномъ случаѣ я не замедлилъ бы донести Ея Императорскому Величеству. Впрочемъ, клянусь, заключалъ показанія Апраксинъ: — клянусь какъ предъ самимъ Богомъ, такъ и предъ Ея Императорскимъ Величествомъ, что сколько въ слабой моей памяти состояло и что я по слабости своей припамятовать могъ, то, конечно, все, ничего не скрывая, объявилъ: мнѣ никогда и въ мыслъ не приходило оправдываться — я прошу только матерняго милосердія и помилованія.» Подписалъ: Степанъ Апраксинъ.

Итакъ, устная и письменная бесѣда въ «Четырерукомъ» почти нисколько не обогатила скуднаго запаса «винъ», старательно скопленного судьями. Отвѣты фельдмаршала, напротивъ, едва ли не больше еще затемнили дѣло. Тѣмъ не менѣе, и эта бесѣда имѣетъ интересъ, въ томъ отношеніи, что изъ нея мы окончательно убѣждаемся въ слѣдующемъ: судьи имѣли въ виду не столько самое дѣло, а тѣмъ болѣе справедливость, сколько погибель ихъ общаго врага—Бестужева. Преслѣдуя эту цѣль исключительно, они не имѣли въ виду, да и не имѣли особеннаго желанія, вполне погубить его друга. Апраксинъ былъ не болѣе, какъ орудіе «бывшаго канцлера», вотъ почему онъ не могъ быть такъ страшенъ для его враговъ-судей. Этимъ, равно какъ и заступничествомъ его сильныхъ друзей, фельдмаршалъ обя-

(*) Мнѣніе это на судѣ не только не было опасно для канцлера, но даже полезно: судьи дорого бы дали, если бы могли доказать, что не вѣнскій, а прусскій дворъ подкупилъ Бестужева.

заять тѣмъ, что его такъ долго оставляли въ покоѣ, когда же приступили къ допросамъ, то чинили ихъ въ формѣ довольно приличной; пункты писались въ третьемъ лицѣ (мы ихъ переложили въ форму вопросовъ, непосредственно относящихся къ подсудимому); ни одно уничижительное слово, относительно Апраксина, не сорвалось (по крайней мѣрѣ, на бумагѣ) со стороны допрошниковъ. Что послѣдніе, осыпая вопросами Апраксина, и тутъ имѣли въ виду не кого иного, какъ Бестужева, это показываетъ содержаніе пунктовъ: всѣ они клонятся къ «изясненію» таинственныхъ отношеній фельдмаршала къ канцлеру и къ великой княгинѣ. Распутывая этотъ узелъ, слѣдователи-судьи забывали, что было бы весьма важно снять обстоятельный отчетъ съ Апраксина по поводу его распоряженій собственно на театрѣ войны. Но они съ этими требованиями отнеслись къ генералу Веймарну (*).

Длиныя объясненія его приведены на страницахъ «Военнаго Сборника» (т. III), авторомъ статьи: «Походъ Русскихъ въ Пруссію въ 1757 году»; мы не станемъ повторять уже извѣстнаго, но вслѣдъ за авторомъ «Похода» скажемъ, что не всегда можно (лучше сказать: вовсе нельзя) принимать свидѣтельства Веймарна за непогрѣшительныя. Веймарнъ находитъ почти все прекраснымъ, что ни дѣлали Апраксинъ и Ливенъ, но за то онъ видимо старается обвинить Сибильскаго, жаловавшагося на фельдмаршала Елисаветѣ, и Фермора, главнокомандующаго арміей послѣ Апраксина. Сверхъ того, Веймарнъ, чтобы отклонить отъ себя отвѣтственность, отзывается невѣдѣніемъ многихъ важнѣйшихъ обстоятельствъ, отъ разрѣшенія которыхъ всего болѣе объяснилось бы дѣло. Таковъ общій характеръ его «объясненій», почти вовсе его не оправдывающихъ, а съ другой стороны настоящей причины отступленія Апраксина не разъясняющихъ. Составленныя самимъ Веймарномъ для печати въ царствованіе Екатерины, они и не могли отличаться истиною.

(*) Вопросы комиссіи и отвѣты на нихъ генерала въ подлинникѣ намъ неизвѣстны; быть можетъ, они вовсе не сохранились, какъ допросы и показанія Василія Ададурова, Елагина, регистратора Канцлера и другихъ второстепенныхъ лицъ, замѣшанныхъ въ дѣло. Тѣмъ-то болѣе дорого, что самъ Веймарнъ впоследствии догадался передать свои объясненія по дѣлу 1757—1759 г. нѣкому Гупшелю; онъ и напечаталъ ихъ въ «Neue nordische Miscelaneen, B. VII, Riga, 1794 г., подъ названіемъ: «Ueber den ersten Feldzug des Russischen Kriegsheeres gegen die Preussen im Jahr 1757 г.» Переводъ въ «Военномъ Сборникѣ», т. III, въ статьѣ: «Походъ Русскихъ въ Пруссію въ 1757 г.», стр. 339—350.

Впрочемъ, вопросы Веймарну опять-таки были не болѣе, какъ простою формальностію: не розыскъ объ ошибкахъ во времени движенія арміи, въ диспозиціяхъ ея и т. п. былъ цѣлью слѣдствія и суда: мы уже знаемъ эту цѣль, олицетворенную въ Бестужева. Необыкновенно умная, честолюбивая и въ высшей степени искусная въ выборѣ средствъ и въ умѣнїи достигать разъ положенной для себя цѣли, великая княгиня возбуждала большія опасенія со стороны шуваловской партіи. За то теперь, губя Бестужева, партія чуть не торжествовала побѣды надъ Екатериной. Еще шагъ—и судьба ея едва ли бы не кончилась весьма печально: она принуждена бы была удалиться въ Германію. Было бы длинно, да и не совсѣмъ умѣстно, передавать здѣсь подробности всей обстановки, среди которой поставлена была Екатерина Алексѣевна бестужево-апраксинскимъ дѣломъ; но нельзя не передать хоть нѣсколько чертъ для обрисовки ея положенія въ это критическое для нея время.

Отъѣздъ сэра Ч. Уильяма, отозваніе Понятовскаго, паденіе Бестужева были сильными ударами для значенія и положенія великой княгини въ тогдашнемъ политическомъ мірѣ и въ окружающемъ ее обществѣ. Въ срединѣ марта 1758 года, дворъ находился въ полномъ распоряженіи французско-австрійской партіи: посланниковъ Эстергази и маркиза Лопитала. «Великій князь—такъ писалъ новый посолъ Англіи, Кейтъ—совершенно въ ихъ власти, они вполне имъ располагають. Чтобъ достигнуть этого, они совершенно потушили въ немъ привязанность къ великой княгинѣ, которая имѣла на него большое вліяніе.... Положеніе Екатерины далеко не хорошо при петербургскомъ дворѣ.»

«Въ послѣднее время—писалъ тотъ же Кейтъ, полтора мѣсяца спустя—великая княгиня въ большомъ горѣ: она въ дурныхъ отношеніяхъ съ лицами весьма значительными.... Недавно ей нанесли весьма чувствительную обиду. Любимая ея горничная была отнята у нея и посажена въ тюрьму....» (*) Короче сказать, враги Екатерины, не найдя въ дѣлѣ Бестужева фактовъ противъ нея, не задумывались ни предъ какой клеветой и интригой, чтобъ только окончательно уронить эту замѣчательную женщину въ глазахъ высокомилосердой, но въ высшей степени довѣрчивой и боязливой Елисаветы. Беззащитная отъ

(*) Владиславлева.

всѣхъ клеветъ и злыхъ толковъ, Екатерина все это время жила въ совершенномъ уединеніи. Она не оставалась, однако, безъ дѣла. Мы видѣли, какую осторожность и находчивость являла она съ самаго начала; въ апрѣлѣ она могла хоть нѣсколько успокоиться относительно своихъ друзей: если совершалось ихъ паденіе, то не было совершенной гибели, по крайней мѣрѣ не было для этого основательныхъ обвиненій. Итакъ, пора приступить къ возстановленію своего прежняго значенія, пора рѣшительно поставить вопросъ: какъ же ей держать себя при дворѣ, который вслѣдъ за высшими персонами смотрѣлъ на нее враждебно? Екатерина скоро нашлась: воспользовавшись одной изъ непріятныхъ сценъ, какъ предлогомъ, она рѣшительно объявила графу Александру Шувалову, что напишетъ письмо къ императрицѣ и въ немъ представить всѣ козни злонамѣренныхъ, непріязненныхъ къ ней, великой княгинѣ, нѣкоторыхъ сановниковъ.

«Мой Шуваловъ—разсказываетъ сама Екатерина—испугался такой рѣшительной рѣчи и ушелъ, а я сѣла писать письмо къ императрицѣ и написала его по-русски, въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ, какъ умѣла»... Екатерина начала съ того, что благодарила государыню за всѣ ея милости и благодѣянія, оказанныя ей съ пріѣзда въ Россію, и затѣмъ горько жаловалась на разныя непріятности, стѣсненія и огорченія, наносимыя ей врагами. Дѣйствія ихъ до такой степени отравляли жизнь великой княгини, что она рѣшилась просить государыню продолжать ея попеченія относительно своихъ дѣтей.

«Я осмѣливаюсь—писала Екатерина—просить о продолженіи этихъ попеченій, и, въ увѣренности, что просьба моя будетъ исполнена, проведу остатокъ дней у моихъ родственниковъ, моля Бога за Ея Величество, за великаго князя, дѣтей моихъ и всѣхъ тѣхъ, которые оказывали мнѣ добро или даже зло. Горе до такой степени разстроило мое здоровье, что я должна наконецъ позаботиться о немъ и, по крайней мѣрѣ, спасти жизнь свою, и вслѣдствіе всего этого я прошу Ваше Величество дозволить мнѣ поѣхать на воды и оттуда къ моимъ родственникамъ.»

Просьба объ отпускѣ къ роднымъ и прощальномъ свиданіи была доставлена Елисаветѣ. Великой княгинѣ обѣщано свиданіе для личнаго объясненія. «Я была вполне убѣждена—разсказывала она впоследствии—что если дѣйствительно хотѣли меня вы-

слать или напугать только, то письмо мое должно было окончательно уничтожить это намѣреніе Шуваловыхъ.»

Такъ искусно и предусмотрительно дѣйствовалъ другъ *противниковъ* Фридриха II.

Свиданіе, однако, состоялось нескоро. Прошло недѣли четыре, прежде нежели государыня рѣшилась вступить въ объясненіе съ великой княгиней. Нужно замѣтить, что вообще въ эти годы Елисавета Петровна вела жизнь затворническую, и цѣлые мѣсяцы проходили, прежде нежели племянникъ ея съ женой получали приглашеніе явиться въ ея покой. На этотъ разъ дѣло устроилъ духовникъ государыни; онъ взялъ на себя посредничество между Елисаветой и Екатериной.

13 апрѣля Александръ Ивановичъ Шуваловъ явился къ великой княгинѣ и сказалъ, что императрица ее спрашиваетъ. Екатерина была предупреждена объ этомъ приглашеніи еще съ вечера.

Въ комнатѣ Ея Величества она нашла великаго князя и двухъ Шуваловыхъ. Какъ скоро вошла императрица, великая княгиня упала къ ней въ ноги и со слезами, настоятельно просила отпустить ее домой. Императрица хотѣла ее поднять; но она осталась на колѣняхъ. Государыня казалась болѣе огорченною, чѣмъ разгнѣвванною.

Возникшій разговоръ былъ въ высшей степени интересенъ; онъ обстоятельно переданъ самой Екатериной въ ея запискахъ и въ общихъ чертахъ сохраненъ въ депешахъ иноземныхъ пословъ, бывшихъ при нашемъ дворѣ.

Тѣмъ не менѣе, мы должны опустить эти подробности; скажемъ кратко, что результатомъ свиданія былъ отказъ со стороны государыни въ отпускъ великой княгини. Императрица была къ ней вообще очень милостива и общалась въ скоромъ времени поговорить съ ней еще обстоятельнѣе.

Глазами и головою показала она Екатеринѣ, что не хочетъ больше говорить при другихъ. Та отъ всей души поблагодарила ее за ея доброжелательство и прошептала, что также не можетъ говорить, но что она чрезвычайно хочетъ открыть ей свою душу и сердце. (*)

(*) «Надѣются—писалъ Кейтъ къ англійскому двору 17/29 апрѣля 1758 г.—что послѣ втораго свиданія Екатерины съ императрицей послѣдуетъ примиреніе, чего, разумѣется, всѣ искренно желаютъ, потому что у великой княгини много друзей между самыми значительными лицами.»

Нѣсколько дней спустя къ Екатериинѣ явился вице-канцлеръ графъ М. Воронцовъ и отъ имени императрицы долго убѣждалъ ея, чтобъ она не настаивала на своемъ отъѣздѣ и выбросила бы изъ головы это намѣреніе: «оно—говорилъ вице-канцлеръ—чрезвычайно огорчаетъ императрицу и всѣхъ честныхъ людей».

«Такимъ образомъ—писала впоследствии великая княгиня—я могла быть увѣрена, что меня не вышлютъ, потому что меня просили даже не вспоминать объ этомъ.»

Между тѣмъ, для окончательнаго завершенія дѣла, для полнаго и рѣшительнаго возстановленія къ себѣ довѣрія Елисаветы, великая княгиня желала втораго съ ней разговора. Свиданіе, однако, все откладывалось, по обычной нерѣшительности и болѣзненному состоянію государыни. Въ нетерпѣливомъ ожиданіи, передъ самымъ отъѣздомъ въ деревню, великая княгиня написала къ императрицѣ новое письмо....

Достоинно замѣчанія, что великая княгиня въ своихъ воспоминаніяхъ умолчала объ этомъ интересномъ посланіи, а, между тѣмъ, оно ускорило второе объясненіе ея съ императрицей....

— Обратимся къ подсудимымъ—къ графу Апраксину и его знаменитому другу графу Алексѣю Петровичу; но пока Волковъ занимается новымъ экстрактомъ «винъ государственныхъ арестантовъ» да выправляетъ «проектъ Высочайшаго о нихъ манифеста», скажемъ два, три слова по поводу тѣхъ подробностей, которымъ мы даемъ мѣсто въ нашемъ разсказѣ. Мы думаемъ, что никто за нихъ не посѣтуетъ, никто не найдетъ ихъ неумѣстными: дѣло въ томъ, что едва ли какая нибудь другая война столько зависѣла отъ борьбы различныхъ придворныхъ партій, сколько зависѣла русско-прусская война 1756—1762 г.; едва ли какая нибудь другая война начата и продолжаема была Россіей изъ такихъ мелкихъ побудительныхъ причинъ, изъ какихъ началась брань на Фридриха II; затѣмъ, наконецъ, положительно ни одна кампанія не была столь безцѣльна въ смыслѣ интересовъ Россіи, какъ безцѣльна была семилѣтняя война.

Вслѣдствіе этого, въ разсказѣ о ней, если разсказчикъ не ограничиваетъ себя слишкомъ тѣсной рамкой военного обзора, никакъ нельзя обойти тѣхъ лицъ, которыя держали въ себѣ пружины, двигавшія массы русскаго народа на поля прусскія; никакъ нельзя умолчать о борьбѣ этихъ лицъ, о причинахъ ея, о средствахъ, къ которымъ они прибѣгали, чтобъ очистить поле для своихъ честолюбивыхъ и корыстныхъ замысловъ. Въ этомъ

отношеніи «бестужево-апраксинское» дѣло особенно ярко освѣщаетъ общій характеръ дѣйствій этихъ лицъ и весьма рельефно обрисовываетъ главныхъ виновниковъ славной подвигами русскаго войска семилѣтней борьбы съ Фридрихомъ II.

«Экстрактъ» о подсудимыхъ составленъ. Перечитывать его вновь не стоитъ: въ немъ повторено то, что мы уже читали. Въ то время, когда, на основаніи его, бывшаго канцлера обвиняли въ «столь многихъ мерзостныхъ интригахъ, что всѣхъ ихъ и описать было невозможно», Апраксина находили виновнымъ только въ томъ, что онъ охоты не имѣлъ изъ Риги выступить да состоялъ въ «непозволенной перепискѣ». Неизвѣстно, открыли ли бы за нимъ больше преступленій и какъ бы осудили его, если бы онъ не умеръ, 6 августа 1758 года. Апраксинъ скончался въ мѣстѣ своего заточенія, отъ апоплексическаго удара.

Извѣстно преданіе, будто фельдмаршала хотѣли уже освободить отъ суда. Для этого призвали его въ комиссію, и тамъ одинъ изъ членовъ началъ объявленіе ему о томъ словами: «итакъ, остается намъ теперь употребить послѣднее средство»... Такое предисловіе поразило ужасомъ подсудимаго. Мысль о пыткѣ молніей поразила его, и онъ упалъ, пораженный апоплексическимъ ударомъ. Преданіе это едва ли имѣетъ въ основаніи истину: дѣло въ томъ, что Апраксинъ до такой степени окруженъ былъ друзьями, и друзьями весьма именитыми, что не могъ не знать, что пытка не для него. Пугаться ему было нечего, тѣмъ болѣе, что и общій характеръ допросовъ ему вовсе не имѣлъ въ себѣ чего либо грознаго. Гораздо вѣрнѣе, что ударъ постигъ Апраксина помимо всякихъ душевныхъ потрясеній. Преданіе же легко могло сложиться изъ разнообразныхъ толковъ, возникшихъ по поводу столь скоростижной кончины. Апраксина держали подъ арестомъ, внѣ города, похоронили довольно тайно, въ Невской лаврѣ, безъ всякой церемоніи, и вотъ молва обставила его смерть фантастическими подробностями. Сама Екатерина, которая, кажется, могла бы хорошо знать все, что относилось до Апраксина, и та ошибочно думала, что съ нимъ сдѣлался апоплексическій ударъ послѣ первыхъ же допросовъ (*). Мы видѣли, что первые допросы произведены были

(*) При дальнѣйшемъ слѣдованіи—замѣчаетъ при этомъ Екатерина—непремѣнно былъ бы замѣшанъ въ дѣло генералъ Ливень (онъ жилъ въ это время въ

ему 6 мая, ударъ же сразилъ фельдмаршала 6 августа 1758 года (*).

Смерть ли Апраксина, распоряженія ли о средствахъ къ продолженію кампаніи, которая была въ это время въ полномъ разгарѣ, болѣзнь ли и нерѣшительность императрицы, какая нибудь изъ этихъ или другихъ причинъ, но только манифестъ о Бестужевѣ-Рюминѣ болѣе нежели на полгода остался необъявленнымъ. «Бывшаго канцлера», хотя и съ меньшими противъ прежняго строгостями, продолжали содержать въ его домѣ, подъ карауломъ.

Допросы почти прекратились. Говоримъ: почти, потому что 2 января 1759 года государственный арестантъ вновь былъ «призванъ» въ собраніе комиссіи. Ему показали золотую табакерку.

— Откуда ты ее получилъ? спросили судьи. Чей въ ней портретъ, знали ль о томъ жена да сынъ твой и кто эту табакерку дѣлалъ?

Изъ отвѣта оказалось, что табакерка пожалована за нѣсколько мѣсяцевъ до ареста великой княгиней, во дворецѣ, на куртагѣ; портретъ въ ней самой дарительницы, но ни жена, ни сынъ Бестужева, сколько помнится ему, ничего о подаркѣ не знали.

Вообще допросы дѣлали несравненно рѣже, но допрашивающіе стали прибѣгать для вымогательства признанія къ уловкамъ, далеко не дѣлавшимъ имъ чести. Вотъ что рассказывалъ по этому поводу самъ графъ Алексѣй Петровичъ, спустя четыре года:

«Для чего иностранные министры, спрашивалъ меня, между прочимъ, Волковъ, въ полномъ присутствіи комиссіи:—для чего они не въ обыкновенные часы къ тебѣ пріѣзжали и, на улицѣ изъ каретъ выходя, пѣшкомъ на дворъ входили?»

деревнѣ), другъ и повѣренный тайнъ Апраксина, что меня еще болѣе бы огорчило, потому что Ливенъ былъ искренно привязанъ ко мнѣ. Но какъ ни была я дружна съ Ливенемъ и Апраксинымъ, во всякомъ случаѣ могу *поклиться*, что совершенно не знала о причинѣ ихъ поступка и о самомъ ихъ поступкѣ.

(*) Считаемъ не лишнимъ помѣстить въ приложеніи (1 *ММ* 1 и 2) еще два документа, относящіеся къ Апраксину. Это рескрипты къ нему Елисаветы, впрочемъ не собственноручные, въ отвѣтъ на его реляціи одинъ отъ 29 июля 1757 г. и другой отъ неизвѣстнаго числа. Рескрипты весьма замѣчательны. Это новое свидѣтельство объ отвращеніи государыни отъ смертной казни и о заботливости ея ввести въ войскѣ сколь можно человѣческое обращеніе начальниковъ съ нижними чинами,

— «Этого никогда не бывало, отвѣчалъ я:—и совсѣмъ ложно, ибо они публично и за полночь поздно въ домѣ моемъ бывали, но не потаенно. А о штатскихъ и министерскихъ дѣлахъ ни отъ кого я притомъ не спрашивалъ, да и обвиненъ бы тѣмъ быть никогда не могъ.»

«Однако, ты многими свидѣтелями обличаешься, продолжалъ Волковъ: — вотъ регистраторъ генеральнаго почтамта Канцлеръ: онъ жестоко сѣченъ и показываетъ противъ тебя.»

Сѣченный регистраторъ дѣйствительно былъ представленъ въ комиссію; но, если вѣрить Бестужеву, онъ на слова Волкова о свидѣтельствѣ отвѣчалъ, что ничего «подобнаго не слыхалъ и самъ не говаривалъ».

«Секретарь конференціи долженъ былъ сконфузиться, выслалъ мнимаго свидѣтеля изъ «судебной палаты» и сталъ увѣрять, что у него внизу есть еще пять свидѣтелей противъ моего заперательства. Когда же я просилъ, чтобы они вдругъ или порознь были представлены, то Волковъ ни одного не показалъ.»

Въ этихъ уловкахъ прошло время. Наконецъ, 5 апрѣля 1759 года, манифестъ, надъ сочиненіемъ котораго много потрудился Волковъ, удостоился подписи государыни; въ тотъ же день состоялся и указъ правительствующему сенату объ отправкѣ въ мѣсто заточенія бывшаго канцлера и о разсылкѣ въ отдаленныя мѣста Россіи на службу его сторонниковъ.

6 апрѣля былъ вождедѣннымъ днемъ комиссіи: могучій врагъ князя Н. Трубецкаго, А. Бутурлина и Шуваловыхъ стоялъ предъ ними покорный и съ наружнымъ смиреніемъ выслушивалъ указъ, завершавшій надъ нимъ слѣдствіе: Бестужевъ-Рюминъ приговоренъ былъ въ ссылку въ одну изъ своихъ деревень, подъ карауломъ; карауль долженъ былъ состоять изъ одного оберъ-офицера и надлежащей команды; команда получала «точное повелѣніе»: никого къ арестанту не допускать, пера, чернилъ, бумаги и вообще «никакихъ способовъ» для письма и къ словеснымъ переговорамъ ему не давать. Какъ онъ, такъ и его стража должны были все время состоять въ вѣдѣніи тайной канцеляріи, куда и посылались отъ офицера рапорты. Все недвижимое имущество бывшаго канцлера государыня, «по великодушію», оставяла за нимъ, но строго-на-строго повелѣвала взыскать съ него знатныя денежныя суммы, какія онъ долженъ

казнѣ. Затѣмъ о сторонникахъ Бестужева-Рюмина сдѣланы были слѣдующія распоряженія:

Генераль-квартирмейстера *Веймарна*, переименовавъ генераль-маиоромъ, опредѣлить его къ сибирской воинской командѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ безъ указа никуда не отлучался. Бывшаго герольдмейстера *Ададурова* (*), переименовавъ статскимъ совѣтникомъ, послать въ Оренбургъ товарищемъ губернатора. Ювелира *Бернардія* послать на житье въ Казань, всѣ его деньги отдать на сохраненіе въ коммерцъ-коллегію, для раздачи на указанные проценты, и изъ нихъ посылать къ нему ежегодно 300 р., остальные же затѣмъ проценты отдавать семейству на пропитаніе. Регистратора *Карла Канцлера* опредѣлить въ Астрахань публичнымъ нотаріусомъ (**).

Графъ Алексѣй Петровичъ, за нимъ жена его и сынъ приняли указъ съ должнымъ благодареніемъ. Графъ просилъ позволенія пробыть въ столицѣ нѣсколько времени, для распоряженій по имуществу своему, а также просилъ дать ему, ради недуговъ его и жены, лекаря и лекарство. Въ первомъ, какъ и надо было ожидать, комиссія тотчасъ же отказала, о второмъ обѣщала ходатайствовать у императрицы. Что же касается до семейства графа, изъявившаго согласіе слѣдовать за нимъ въ ссылку, то оно получило позволеніе остаться нѣсколько времени въ столицѣ.

«Куда жъ меня ссылаютъ? въ какую деревню?» спрашивалъ осужденный.

— Въ Горетово, въ Можайскій уѣздъ.

«Но въ Горетовѣ нѣтъ помѣщичьяго дома: да будетъ позволено мнѣ жить въ другой деревнѣ, гдѣ есть домъ.»

— Вотъ, грубо отвѣтилъ одинъ изъ судей, указывая на

(*) «Ададуровъ—пишетъ о немъ Екатерина—нѣкогда училъ меня русскому языку и съ тѣхъ поръ очень былъ привязанъ ко мнѣ. Я замолвила о немъ слово гр. Бестужеву, который сначала не любилъ его за сношенія съ врагомъ его, княземъ Н. И. Трубецкимъ, и лишь въ послѣдніе два, три года сталъ довѣряться ему.» Незавѣстно, почему ни въ дѣлѣ, ни въ приговорѣ ничего не упомянуто о Елагинѣ, который, по свидѣтельству Екатерины, также былъ арестованъ, какъ одинъ изъ самыхъ преданныхъ ей людей, и впоследствии, въ ея царствованіе, игралъ довольно важную роль.

(**) Первоначальная редакція указа была нѣсколько строже: *Ададуровъ* долженъ былъ, въ чинѣ гарнизоннаго полковника, ѣхать въ Селенгинскъ, въ товарищѣ къ бригадирѣ Якоби; *Бернардій* ссылался въ Сибирь на поселеніе. Ходатайство ли вліятельныхъ лицъ, деньги, или милосердіе государыни были причинами смягченія приговора, неизвѣстно.

столь:—вотъ лежитъ указъ, за подписаніемъ Ея Императорскаго Величества, и о томъ доложено быть не можетъ.

Бестужеву-Рюмину предоставили выбрать довѣреннаго чело-вѣка для управленія домою, его имѣніями и для расплатъ дол-говъ. Когда все было кончено, бывшій канцлеръ далъ подписку въ слушаніи указа; манифестъ о его винахъ прочтенъ ему не былъ. Читаніемъ того же указа удовольствовались относительно «при-личившихся» къ дѣлу Бестужева. Со всѣхъ ихъ взята подписка: «чтобъ во всю свою жизнь, подъ смертною казнію, никому ни-чего изъ этого не объявлять, о чемъ спрашиваны были и от-вѣтомъ показали». (*)

Въ тотъ же день, когда въ засѣданіи комиссіи объявлялся подсудимымъ указъ Ея Величества и брались съ нихъ подписки, правительствующій сенатъ въ собраніи своемъ сдѣлалъ слѣдую-щія распоряженія: распубликовать и разослать по всему госу-дарству манифестъ о преступленіяхъ «бывшаго канцлера», пере-вести и напечатать манифестъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; командировать при Бестужевѣ въ деревню армейскаго офицера, не ниже поручика, добраго и надежнаго челоуѣка, одного унтеръ-офицера, двухъ капраловъ и двѣнадцать рядо-выхъ изъ старыхъ и надежныхъ людей; преступника немедлен-но отправить въ Можайскій уѣздъ, «не захватывая Москвы», прямо въ его село «Горетово», и какъ въ пути, такъ и тамъ на мѣстѣ офицеръ долженъ строго держаться инструкціи тайной канцеляріи (*)*. Сенатъ разрѣшалъ арестанту въ Горетовѣ строить для житья какую нужно постройку, позволялъ ходить въ цер-ковь, на дорогу разрѣшалъ взять 1,000 р., и проч. Дальнѣйшія постановленія сената относительно его касались удовлетворенія состоявшихся на немъ казенныхъ долговъ (**). Съ такою же акуратностію сенатъ позаботился сдѣлать распоряженія отно-сительно отвоза, конвоированія и водворенія на мѣстахъ ссы-локъ остальныхъ «государственныхъ преступниковъ».

(*) Протоколъ комиссіи, учрежденной при дворѣ Ея Императорскаго Вели-чества 6 апрѣля 1759 года.

(**) Не безынтересно слѣдующе обстоятельство: мѣстомъ ссылки Бестужева-Рюмина первоначально назначено было село Абрамово; но тайная канцелярія сдѣ-лала справку: по ней Горетово оказалось далѣе отъ Москвы, нежели Абрамово, и преступника отправили въ Горетово.

(***) Сынъ Бестужева-Рюмина для устроенія дѣлъ по имуществу отца, съ разрѣ-шенія сената, оставался нѣкоторое время въ Петербургѣ, но все время долженъ былъ сидѣть дома, подъ карауломъ. Постановленіе сената 6 апрѣля 1759 г.

Отсылкой «бывшаго канцлера» не замедлили: 9 апрѣля Александръ Ивановичъ Шуваловъ отпрапортовалъ въ сенатъ, что арестантъ отправленъ, подѣ указнымъ конвоемъ.

Пользуясь временемъ переѣзда знаменитаго «противника Фридриха II» въ Горетово, пробѣжимъ извѣстный манифестъ о его ссылкѣ. Манифестъ этотъ сохранился въ подлинныхъ бумагахъ въ нѣсколькихъ спискахъ «проектовъ манифеста»; всѣ они руки Дмитрія Васильевича Волкова и почти ни въ чемъ не разнятся отъ печатнаго текста. Такъ какъ документъ этотъ вошелъ въ Полное Собраніе Законовъ и помѣщенъ въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ изданіяхъ, то мы могли бы и не останавливаться на немъ; но вредъ нами лежитъ любопытное опроверженіе или критика манифеста, критика, составленная четыре года спустя самимъ Бестужевымъ-Рюминымъ. Вотъ почему, чтобъ лучше оцѣнить опроверженія бывшаго канцлера, намъ необходимо вспомнить «сочиненіе» его врага Волкова. «Проектъ манифеста: (по титулѣ) объявляемъ во всенародное извѣстіе. *Недавно* публикованнымъ манифестомъ (*) нашимъ объявлено, что бывший канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ арестованъ и лишенъ всѣхъ чиновъ и достоинствъ не меньше, какъ за оскорбленіе Величества, и что поведеніе его повелѣли мы изслѣдовать чрезъ нарочно учрежденную при дворѣ нашемъ комиссію.

«Главные пункты его преступленій, будучи гораздо прежде извѣстны и доказаны, нежели поступили мы на сію природному нашему великодушію и милосердію весьма противную строгость, мы симъ изслѣдованіемъ не столько искали открыть его безбожныя, сами собою уже открывшіяся дѣла, какъ паче привести его въ раскаяніе и, получа чистосердечное его во всемъ признаніе, получить средство къ его помилованію, не пренебрегая должнаго правосудія. Не скрыто было отъ него, что мы не ищемъ, какъ только сего признанія. Весьма умягченная строгость ареста, содержаніе его въ собственномъ его домѣ, вмѣсто обыкновеннаго преступникамъ мѣста, позволеніе пользоваться всѣмъ его имѣніемъ и, наконецъ, среди самаго гнѣва, оставленные ему многіе знаки прежней нашей милости довольно ему то показывали.»

«Однимъ словомъ, комиссія назначена была выслушивать больше добровольныя его показанія и признаніе, нежели обык-

(*) Слово *недавно* показываетъ, что проектъ манифеста сталъ составляться дѣйствительно весьма скоро послѣ манифеста 27 февраля 1758 года.

новенною строгостію, которой съ нимъ нимало употреблено не было, вынудить оныя. Но какъ не по заслугамъ показанныя ему отъ насъ милости и благодѣянія воздасть онъ неблагодарностію, и нарушеніемъ присяги и вѣрности, такъ употребленную въ арестѣ его умѣренность за такимъ безпримѣрнымъ упорствомъ и жестокосердіемъ. И избавленіе свое отъ праведнаго наказанія хотѣлъ долженствовать не нашему великодушію и своему раскаянію, но тѣмъ же мерзостнымъ дѣламъ и проискамъ, которыми праведный нашъ гнѣвъ на себя подвинулъ...»

Вслѣдъ за этимъ въ высшей степени характеристическимъ вступленіемъ, слѣдовалъ перечень «мерзостныхъ дѣлъ и происковъ» преступника. Онъ сносился въ бытность свою подъ арестомъ съ другими, приличными по одному съ нимъ дѣлу; сообщалъ имъ свои показанія на первыхъ допросахъ и наставлялъ, что имъ отвѣчать; въ собственныхъ показаніяхъ являлъ необыкновенное упорство и лживость; «но собственные его руки доказательства (?) и другія свидѣтельства, противъ которыхъ не могъ онъ болѣе, какъ только просить о нашемъ помилованіи, награждали то, чего отъ упорства его никакими увѣщаніями получить не можно было. Сими неоспоримыми доказательствами изобличенъ онъ»: (*)

1) Присвоилъ себѣ многія, не относящіяся до него дѣла; непозволеннымъ образомъ распространялъ свою власть для того, чтобъ удовлетворить свое тщеславіе и властолюбіе; 2) иманнныя Высочайшія повелѣнія, несогласныя съ его «пристрастными и самолюбивыми хотѣніями», не только не исполнялъ, но даже препятствовалъ ихъ исполненію; 3) не доносилъ о томъ, что причиняло большой и существенный ущербъ интересамъ всей имперіи; 4) собственные приказанія признавалъ болѣе важными и дѣйствительнѣйшими Высочайшихъ повелѣній; разсылалъ свои ордеры безъ нашего вѣдома и, въ противность Высочайшаго соизволенія, дѣлалъ себя, такимъ образомъ, соправителемъ; 5) обносилъ злостными своими вымысленіями Ихъ Императорскихъ Высочествъ, а въ то же время старался умалять въ Ихъ Высочествахъ должную къ Высочайшей особѣ любовь и почитаніе... Особенно интересно послѣднее обвиненіе: «Впрочемъ, между взятыми его письмами найдены (??!) проекты, писанные собственною его рукою и содержащіе въ себѣ такіе дально-

(*) Передаемъ реестръ преступленій кратко, такъ какъ изъ доклада комиссіи мы достаточно уже знакомы съ ними. См. главу IV.

видные замыслы и расположенія, которыми онъ явно показываетъ свое недоброжелательство къ нашей особѣ и къ нашему здоровью; но о томъ и другихъ его тяжкихъ преступленіяхъ и найденныхъ вредительныхъ умыслахъ пространно изображать было бы тѣмъ паче излишне, что мы гнѣвъ нашъ и достойное ему наказаніе размѣряемъ не по онымъ, но по нашему великодушію и милосердію, ибо, вмѣсто заслуженной и по слѣдствію приговоренной смертной казни, повелѣли мы его сослать токмо въ собственные его деревни и тамъ ему жить подъ карауломъ, не столько для показанія ему тѣмъ нашего праведнаго гнѣва, какъ паче, дабы другихъ охранить отъ уловенія мерзкими ухищреніями сего въ томъ состарѣвшагося злодѣя»...

Послѣ обстоятельно изложеннаго нами слѣдствія и суда, настоящее сочиненіе Волкова особенно интересно. Каждый легко замѣтитъ, до какой степени былъ скуденъ запасъ фактовъ у автора, что онъ долженъ былъ прибѣгать съ одной стороны къ громкимъ фразамъ о великодушіи и милосердіи каравшей, съ другой къ обвиненіямъ, подъ которыя легко можно было подвести каждаго изъ мало-мальски вліятельныхъ особъ при дворѣ Елисаветы, какъ, на примѣръ, графа Петра Ивановича Шувалова и др. Недовольствуясь подобными обвиненіями, Волковъ пускался въ ругательства, едва ли извиняемыя временемъ, но объясняемыя злобой и жаждой мести, какую онъ имѣлъ противъ Бестужева. Наконецъ, что всего замѣчательнѣе, сочинитель дѣйствительно *сочинилъ* одно обвиненіе объ отысканіи преступныхъ проектовъ. На самомъ же дѣлѣ мы видѣли, что поиски всей комиссіи относительно проектовъ рѣшительно не удалось.

Словомъ, *звонкія фразы* о милосердіи, неприличныя въ офиціальномъ документѣ ругательства, присочиненіе преступленій— все это такія данныя, которыя краснорѣчиво повѣствуютъ о томъ, что судьи вполне сознавали необходимость такъ или иначе увѣрить русское общество и весь дипломатическій корпусъ въ преступленіи челоуѣка, восемнадцать лѣтъ стоявшаго въ члѣхъ правленія. Какъ ни грубы натяжки къ его обвиненію, но онѣ прямо вытекали изъ необходимости какъ нибудь оправдать скорость арестованія канцлера и публикацію о немъ 27 февраля 1758 года. Судьи, однако, какъ мы видѣли, совѣстились своего созданія и не рѣшились прочитать его государственному преступнику: такъ и увезли безъ объявленія ему преступленій. Много можно было бы сказать по поводу сочиненія Волкова, но

гораздо интереснѣе выслушать на него критику изъ устъ самого обвиненнаго; однако, прежде, чѣмъ мы это сдѣлаемъ, очертимъ въ немногихъ словахъ судьбу Бестужева-Рюмина съ 1759 по 1761 годъ включительно.

VI.

ГОРЬТОВО 1759 — 1761 г.

Для разсказа о трехгодичной ссылкѣ бывшаго канцлера въ деревнѣ, равно какъ и вообще для біографіи этого челоука, намъ извѣстно очень много интересныхъ матеріаловъ (*); но, вдавшись въ подробности, мы отвлеклись бы отъ нашей задачи: вотъ почему изъ всей массы матеріаловъ, ожидающихъ еще изслѣдователя для составленія жизнеописанія Бестужева-Рюмина, мы извлекаемъ только важнѣйшіе факты, рисующіе какъ его, такъ и ту обстановку, среди которой онъ находился съ 1759 года. Мы видѣли, какъ торопливо и заботливо выпроводилъ его изъ столицы нашъ старый знакомый графъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ (**); точно также нѣсколько времени спу-

(*) Таковы слѣдующія бумаги: 1) большое дѣло 1740 года подъ заглавіемъ: «Нѣкоторое нужное дѣло, а именно о Бестужевѣ-Рюминѣ. Декабрь 1740 г.» Оно возникло надъ кабинетъ-министрами по случаю дружбы и союза его съ Биронномъ. Правительница, какъ извѣстно, велѣла арестовать какъ того, такъ и другаго. 2) Книга разныхъ распоряженій комиссіи по долгамъ, домашнимъ дѣламъ и имѣніямъ бывшаго канцлера. 3) Картонъ ветхихъ бумагъ, сильно пострадавшихъ отъ сырости: здѣсь переписка служителей гр. Бестужева-Рюмина въ бытность его въ ссылкѣ. 4) Журналы исходящимъ и входящимъ письмамъ извѣстнаго мѣста, учиненнаго съ 15 февраля 1758 года. 5) Дѣло по доносу одного изъ служителей Бестужева 1761 г. 6) Литія, молитвы и пыски изъ священныхъ книгъ Бестужева-Рюмина, занятія его съ 1758 по 1761 годъ. 7) Бумаги, касающіяся деревенскихъ его распорядковъ.

(**) На отправку Бестужева на мѣстѣ израсходовано и дано ему было на дорогу всего 1,500 рублей. Вообще приставники его, и главнѣйшимъ образомъ генераль-поручникъ Василій Александровичъ Нащокинъ, не щадили денегъ подсудимаго: со дня ареста Бестужева, т. е. съ 15 февраля 1758 года, по 7 апрѣля 1759 года, Нащокинъ израсходовалъ на его содержаніе 8,000 руб.; да кромѣ того тѣмъ же Нащокинымъ, также будто бы на расходы по дѣлу канцлера, было перебрано изъ его домашнихъ доходовъ до 15,000 руб. Суммы громадныя и въ наше время, а тѣмъ болѣе сто лѣтъ назадъ. Нащокинъ былъ партизанъ партіи Шуваловыхъ, чѣмъ и объясняется то, что ему былъ врученъ этотъ постъ. Въ запискахъ его (изд. Спб. 1842 г.) можно прочесть (стр. 172 и слѣдующія) весьма неблагоприятный отзывъ его объ Апраксинѣ; о Бестужевѣ онъ (по крайней мѣрѣ, въ печатномъ изданіи) умалчиваетъ; но награды, полученныя Нащокинымъ въ 1758—1759 годахъ, показываютъ, что онъ весьма усердствовалъ въ сохраненіи Бестужева. См. записки его, стр. 180 и послѣд.

стя должны были уѣхать въ деревню жена и сынъ. Съ графини, по происхожденію иностранки, совершенно несвѣдущей въ русской грамотѣ, снята была подписка. Глава тайной канцеляріи не нашелъ нужнымъ рассказывать ей, что она подписывала, и графиня такъ до своей смерти не узнала этой тайны.

Вся семья водворилась въ Горетовѣ. Помѣщичьяго дома въ немъ не было. Пока онъ строился, ссыльные жили въ крестьянскихъ избахъ. Жизнь была далеко не привлекательна: не говоря о душевныхъ мукахъ, какія долженъ былъ испытывать умный, честолюбивый канцлеръ при видѣ своего униженія, онъ много терпѣлъ и въ матеріальномъ отношеніи. Во всемъ своемъ добрѣ, оставленномъ въ Петербургѣ, онъ не былъ властенъ. Люди, приставленные для надзора и охраненія того добра, также не могли ничего сдѣлать противъ цѣлой комиссіи: послѣдняя съ замѣчательнымъ усердіемъ расхищала его достатокъ. На Бестужева насчитывалось много долговъ въ разныя вѣдомства: въ иностранную коллегію, въ почтамтъ, въ академію наукъ и проч., отъ 60,363 р. до 63,126 рублей; главнѣйшая часть изъ этого былъ долгъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ 50,000 р. Деньги даны были Бестужеву, по Высочайшему повелѣнію, 9 марта 1754 года, изъ субсидныхъ на разные расходы, съ условіемъ возвращать изъ нихъ въ коллегію по 5,000 руб. въ годъ. Понятно, что, при благопріятныхъ для канцлера обстоятельствахъ, эта субсидія такъ бы и осталась въ его вѣчномъ владѣніи, на что онъ и надѣялся въ свое время, потому что не возвратилъ ничего (*). Теперь же враги его повлекли съ его имѣній удовлетвореніе долговъ: каменный домъ въ Петербургѣ, домъ въ Москвѣ, близъ Лефортова, также каменный, подгородныя дачи, земли, движимое имущество, брильянты; весь сервизъ его, 19 пудовъ серебра, свезенъ былъ на монетный дворъ для того, чтобы отъ празднаго стоянія какого поврежденія (ему) или изъ него «утраты не сдѣлалось», и проч.; все пошло на уплату. Нѣкоторыя деревни пущены были въ продажу съ аукціона. Бе-

(*) Вѣдѣніе изъ иностранной коллегіи въ сенатъ о долгахъ, состоящихъ на Алексѣ Бестужевѣ-Рюминѣ. Рапортъ въ сенатъ московскаго почтъ-директора Пестеля о долгахъ почтамту бывшаго генеральнаго почтъ-директора Бестужева-Рюмина подъ залогъ драгоценныхъ вещей. Счетъ академіи наукъ о долгѣ ей Бестужева за разныя книги и карты. Окончательную цифру его долговъ подвести трудно: такъ казенные долги его по однимъ вѣдомостямъ значились въ 60,363 р., по другимъ 63,126 р. Да кромѣ того его частныхъ долговъ и сына разными купцамъ и мастеровымъ людямъ насчитывалось до 65,380 р.

стужевъ имѣлъ тяжбы. Оставайся онъ въ силѣ, пропесы, разумѣтся, были бы выиграны; теперь же не то: тяжба его съ городомъ Венденомъ рѣшена была камеръ-конторою лифляндскихъ дѣлъ не въ его пользу. Арестантъ, лишенный самъ права писать, протестовалъ на камерное рѣшеніе чрезъ служителя своего въ сенатъ, просилъ копіи съ жалованной ему на венденскія земли грамоты, просилъ наконецъ трехгодичнаго срока въ уплатѣ партикулярныхъ долговъ. Сенатъ, руководимый Шуваловымъ, Трубецкими и т. п. его благопріятелями, отказалъ ему въ отсрочкѣ платежей и въ перерѣшеніи дѣла (*), а въ самомъ протестѣ «усмотрѣлъ излишнія и непристойныя слова». Правительствующій сенатъ постановилъ: разсмотрѣть надлежащимъ образомъ, при посредствѣ тайной канцеляріи, содержится ли Бестужевъ по всей строгости Высочайшихъ о немъ указовъ, съ вѣдома ли караульнаго офицера писанъ тотъ протестъ, дѣйствительно ли Бестужевъ не имѣетъ перьевъ, чернилъ, бумаги, ниже иныхъ какихъ къ писанію или къ словеснымъ переговорамъ способовъ? При такомъ отношеніи къ нему высшаго правительственнаго учрежденія, понятно, что тотъ не могъ хотя сколько нибудь отстаивать свои интересы. Несравненно, впрочемъ, больше огорченій находилъ онъ въ нѣдрахъ собственнаго семейства. Сынъ его, графъ Андрей Алексѣевичъ, нѣкогда камергеръ и кавалеръ разныхъ орденовъ, отличавшій себя и прежде «непорядочными поступками» (**), не стихъ и въ грозѣ. Глушь и однообразіе деревенской жизни пробудили его дурныя наклонности: онъ нашелъ себѣ товарищей для кутежей въ караульномъ офицерѣ и предался «великому пьянству». На упреки и выговоры отца сынъ отвѣчалъ грубостями, такъ что несчастный, «секретнымъ» образомъ, впрочемъ, при посредствѣ служителей, писалъ къ духовнику императрицы, жаловался ему, что

(*) Вслѣдствіе чего онъ былъ принужденъ къ уплатѣ 73,134 ефимковъ городу Вендену, за убытки, понесенные завладѣніемъ его земель.

(**) Сохранилось цѣлое дѣло (1750 годовъ): «о учиненныхъ камергеромъ и кавалеромъ графомъ Бестужевымъ-Рюминнымъ, въ бытность его въ С.-Петербургѣ, въ квартирѣ бригадира барона фонъ-Штейна, такожъ и въ Нарвѣ, въ комендантскомъ домѣ, непорядочныхъ поступкахъ». Сильный въ то время властію и значеніемъ отца, графъ Андрей, бывъ назначенъ въ Нарву комендантомъ, позволялъ себѣ самоуправство и чинилъ великое безобразіе: ругалъ неподобными словами людей чиновныхъ, грозился высѣчь ихъ кнутомъ, людей нечиновныхъ билъ по щекамъ, также палками, и сѣкъ нещадно, увозилъ чужихъ женъ; отъ солдатъ требовалъ полнаго повиновенія, гроза имъ, въ противномъ случаѣ, представить ихъ для наказанія своему благопріятелю, фельдмаршалу Апраксину, и проч.

сынъ графа, Андрей, пьянствуетъ, шумить, родителей своихъ беспокоить, караульный же офицеръ тѣмъ его непорядочнымъ поступкамъ помогаетъ и поощряетъ; родитель просилъ, чтобъ духовникъ приложилъ стараніе о переводѣ буяна въ другую деревню, а офицера бы смѣнили другимъ караульнымъ. Благодаря стараніямъ сильнаго холатая, офицеръ дѣйствительно былъ смѣненъ, а о молодомъ Бестужевѣ тайная канцелярія предписала: «смирять его въ чинимыхъ имъ безпокойствахъ по волѣ родительской». Облегченія отъ этого было, впрочемъ, немного: на смѣну пьянаго офицера присланъ былъ маіоръ, который заявилъ себя относительно ссыльныхъ рядомъ притѣсненій.

При всѣхъ непріятностяхъ, старикъ все-таки сумѣлъ найти себѣ занятія: сдѣлавшись задолго до ссылки извѣстнымъ изобрѣтеніемъ особливо цѣлебныхъ капель, «весьма укрѣпляющихъ жилы», Бестужевъ вновь обратился къ медицинѣ (*): занимался составленіемъ разныхъ лекарствъ, много читалъ медицинскихъ книгъ и выписывалъ себѣ изъ Петербурга отъ оберъ-аптекаря Моделя разные аптечные матеріалы. Въ 1760 году онъ выписалъ даже на три года одного нѣмца-лекаря. Господинъ Гезель (такъ звали нѣмца) долженъ былъ уметь сочинять «разныя аптекарскія и химическія лекарства», а главное—знать въ совершенствѣ сочиненіе бестужевскихъ капель (**). Гезелю предоставлялось всѣ лекарства дѣлать «изъ готовыхъ на то матерій»; чего же онъ не зналъ дѣлать, то самъ владѣлецъ Горетова брался ему показывать. Гезель, какъ кажется, вполне удовлетворилъ условіямъ и явился «вспомогать» старику въ его аптекарскихъ работахъ. Онѣ вообще очень занимали Бестужева: выписка «аптечныхъ матерій» шла безпрерывная; съ другой стороны, изъ Горетова разсылались въ подарокъ къ кой-

(*) Достойно замѣчанія, что секретъ составленія капель Бестужевъ вынужденъ былъ открыть оберъ-аптекарю Моделю? Открытіе это сдѣлано было имъ въ бытность подъ арестомъ, въ Петербургѣ, по имянному Ея Императорскаго Величества указу. Показанія служителя *Ковалева* и слова самого *Бестужева* о казняхъ его см. въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ», изд. 1836 г., т. V, стр. 453. Въ этой статьѣ, принадлежащей академику Нелюбину, ошибочно сказано, что секретъ открытъ г. Моделю въ 1748 году.

(**) Гезель, прежде чѣмъ вѣсть въ Горетово, долженъ былъ доказать свои свѣдѣнія, т. е. сдѣлать бестужевскія капли. Въ такомъ только случаѣ онъ могъ разсчитывать на 60 руб. въ годъ, на пару платья, да въ три года епанчу, квартиру готовую, столъ съ прочими офиціантами, да два мальчика въ услуженіе и въ помощники. Кромѣ доктора и аптекаря, въ Горетовѣ были живописецъ, архитекторъ изъ ученыхъ, нѣсколько писарей, чтецовъ и проч.

какимъ знакомымъ и тайнымъ радѣтелямъ «скорбнаго старика» порошки и лечительныя капли, съ обстоятельными рецептами, какъ ими пользоваться.

Для удовлетворенія склонности къ этого рода знаніямъ, Бестужеву нужны были деньги. Онъ хлопоталъ о скорѣйшей продажѣ нѣкоторыхъ деревень и объ укрѣпленіи за нимъ имѣнія брата его графа Михаила Петровича Бестужева-Рюмина (умеръ бездѣтнымъ, 26 февраля 1760 года). Довѣренныя служители графа тщательно розыскивали покупателей на его деревни и домъ въ Москвѣ; домъ долженъ былъ быть проданнымъ съ аукціона: «то когда оный на аукціонѣ будетъ продаваться — писалъ въ Москву Ермолай Ковалевъ, заправлявшій всѣмъ домовымъ управленіемъ графа, къ другому служителю, Рѣдкину — то пожалуй потрудись заранѣе къ тому пріискать такихъ людей, чтобы тутъ же торговавшись цѣну возвышали. Да вамъ бы постараться аукціониста задобрить заблаговременно задаткомъ», и пр. Что до укрѣпленія имѣній покойнаго Михаила Петровича за собой, о томъ графъ Алексѣй Петровичъ неоднократно напоминалъ своему повѣренному и между прочимъ поручилъ Ковалеву отписать ему (вѣроятно, вслѣдствіе запроса) о генеалогіи рода Бестужевыхъ. «Михаилъ Григорьевичъ дѣдъ графа Алексѣя Петровича — писалъ Ковалевъ къ повѣренному графа — и фамилія Рюминыхъ возобновилась издавна. А когда блаженныя памяти государь Петръ Великій былъ въ Англіи, въ Лондонѣ, въ государствованіе короля англійскаго Вильгельма, тогда при государѣ Петрѣ Великомъ обрѣтался канцлеръ графъ Федоръ Алексѣевичъ Головинъ; Головинъ изъ англійскаго парламента подтвердительно гербъ фамиліи Бестужевыхъ получилъ, изъ котораго видно, что она знатная фамилія Бестужевыхъ выѣхала изъ Англіи въ Россію въ 1403 году. И съ онаго герба копія въ разрядъ отдана и тамъ она записана. У покойнаго графа Михаила Григорьевича, кромѣ Петра Михайловича, былъ сынъ, а какъ звали (того господинъ мой Алексѣй Петровичъ), памятовать не изволить, токмо оный при жизни отца своего умеръ, а Петръ Михайловичъ одинъ наслѣдникомъ остался» (*).

Вообще переписка по имѣніямъ и домовымъ распоряжаньямъ, предоставленная Ковалеву, велась подъ руководствомъ самого владѣльца Горетова. Графъ заботился между прочимъ о томъ,

(*) Письмо Ковалева 13 августа 1760 г.

чтобы въ его распоряженіи и для помощи его повѣренныхъ было побольше грамотныхъ молодыхъ людей, вслѣдствіе чего приказалъ свезти нѣсколько крѣпостныхъ парней въ Москву на «выучку». Всѣ эти и множество другихъ распоряженій передавались въ перепискѣ Ковалева съ Рѣдкинымъ, бывшимъ въ это время въ Москвѣ съ Нагаевымъ, оставленнымъ графомъ при домовыхъ дѣлахъ въ Петербургѣ, и Бѣлоусовымъ, также однимъ изъ ближнихъ служителей графа. Переписка шла огромная. По инструкціи, должна она была вестись вся съ вѣдома и подъ наблюденіемъ начальника караула; но, какъ и надо было ожидать, наряду съ этой оффиціальной корреспонденціей не замедлила возникнуть секретная, конфиденціальная. Бестужевъ не принялъ въ ней непосредственнаго участія, то есть былъ на столько остороженъ, что не писалъ самъ, за то зачастую диктовалъ эти письма Ковалеву.

Тайная пересылка и переписка изгнанника, при посредствѣ его слугъ, началась почти съ первыхъ же дней его прибытія въ Горетово. Такъ недѣлю спустя по прибытіи сюда, онъ получалъ печатный манифестъ о своихъ винахъ. Это была тайная присылка служителя его Рѣдкина. Затѣмъ, для удобнѣйшаго скрываетія переписки, Бестужевъ приказалъ Ковалеву писать секретомъ, то есть квасцами, молокомъ или уриной. Секретъ былъ открытъ Рѣдкину, и между этими двумя служителями шла тайная переписка. Въ чемъ же она состояла, что считалъ нужнымъ Бестужевъ скрывать отъ своихъ церберовъ?

Переписка была о разныхъ покупкахъ и нѣкоторыхъ домашнихъ дѣлахъ. Наиважнѣйшее состояло въ слѣдующемъ: графъ спрашивалъ, нѣтъ ли какихъ вѣстей и требовалъ передачи ихъ, въ чемъ бы онѣ ни состояли, интересовался знать, кто именно изъ высшихъ лицъ требуетъ капли бестужевскія и пользуется ими, выписалъ потаенно отъ караула 20 ружей со штыками, 20 паръ пистолевъ и 20 шпагъ. Весь этотъ арсеналъ, по порученію графа, долженъ былъ быть втрое больше, но за дороговизною было куплено только по 20 штукъ каждаго оружія; покупка совершена была въ Тулѣ, на заводѣ, и при посредствѣ друга Бестужева, Прокопія Демидова. Надежда на освобожденіе или, по крайней мѣрѣ, на облегченіе участи не покидала ссыльнаго: онъ со дня на день ждалъ, что караулъ отъ него будетъ сведенъ, самъ онъ получить право ѣздить по деревнямъ, а въ такомъ случаѣ оружіе, какъ онъ самъ выражалъ-

ся, было необходимо отъ разбойниковъ или отъ своихъ крестьянъ.

Да, старикъ нетерпѣливо ждалъ и надѣялся на измѣненіе своей судьбы къ лучшему. По его приказу, Ковалевъ безпрестанно писалъ къ Рѣдкину въ Москву, чтобъ тотъ чрезъ кого возможно изыскалъ способъ, дабы ввести его, Бестужева, въ милость государыни по прежнему, «караулъ бы отъ него свести, дозволить ѣздить по деревнямъ, а также носить шпагу». Надворный совѣтникъ Маріоновъ, статскій совѣтникъ Прокофій Акинѣевичъ Демидовъ (*), нѣкто Пастуховъ, затѣмъ духовникъ государыни, частію графъ Алексій Григорьевичъ Разумовскій и великая княгиня Екатерина Алексѣевна—вотъ лица, которыя въ различной степени готовы были быть ходатаями за опального.

Бестужевъ напоминалъ имъ о себѣ особыми записками, да молитвами, имъ самимъ сложенными. Демидовъ, принимая одну изъ такихъ посылокъ, сказалъ: «когда мнѣ гдѣ будетъ случай, то я просить и стараться радъ», и затѣмъ на бестужевской молитвѣ приказалъ своему служителю выставить перомъ какіе-то таинственные знаки. Нѣсколько времени спустя, Демидовъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь ждалъ его другой повѣренный ссыльнаго пріятели съ просьбой о ходатайствѣ за него у сильнаго дворцоваго міра. Выслушавъ просителя, Демидовъ приказалъ женѣ принести ему письма, выбралъ изъ нихъ одно и сказалъ Нагаеву (то былъ онъ): «у меня есть объ этомъ, о всемъ, о чемъ ты просишь, «записка». «Нынѣшнее время, продолжалъ Демидовъ, прочитавъ Нагаеву записку: лучше потерпѣть, за тѣмъ, что самое худое время. Я ужъ совѣтывалъ съ четырьмя персонами (персонъ Демидовъ не назвалъ), то и они тоже сказали; да хотя это и сдѣлается, только бѣ не послѣдовало хуже ненависти, и нынѣ идетъ смятеніе великое!»

Столь же безуспѣшно было посѣщеніе духовника государыни. Мы видѣли выше, что этотъ человекъ былъ привлеченъ великой княгиней на ея сторону, способствовалъ ея дѣлу всячески, располагая въ ея пользу государыню, и ему Екатерина была обязана тѣмъ, что получила аудіенцію у Елисаветы. Надо думать, что все это было не безызвѣстно Бестужеву, и вотъ онъ изъ Горетова засылаетъ къ нему служителя съ просительной о себѣ запиской; но, «убоясь смятенія великаго», убояси

(*) Славный своимъ богатствомъ, необыкновеннымъ чудачествомъ и благотвореніями. Родился 1714 г., умеръ въ 1786 г.

могучихъ и озлобленныхъ враговъ опальнаго, духовникъ уклончиво отвѣчалъ:

«Графъ Алексѣй Петровичъ Разумовскій болѣнъ; однако, я скоро доложу и стараться буду, а не лучше ль ему, Бестужеву, писать о томъ въ конференцію.»

Нечего дѣлать: надо напомнить о себѣ великой княгинѣ, лучше сказать, надо дать ей средства пустить въ ходъ разныхъ второстепенныхъ заступниковъ и радѣтельница, не обращаться же въ самомъ дѣлѣ въ конференцію, — и вотъ Бестужевъ разъ, другой и третій засылаетъ къ Демидову съ совѣтомъ такого рода:

«Просилъ я у тебя кровельнаго желѣза, ты отказалъ, потому что ставишь то желѣзо Его Императорскому Высочеству; и ты то очень хорошо дѣлаешь, что ставишь желѣзо великому князю. А вотъ тебѣ мой совѣтъ: одолжи его деньгами на строеніе, хотя покуда тысячь до 10, а *нуже* Ея Императорское Высочество.»

Въ другой разъ, напоминая Демидову съ пріѣздомъ въ Петербургъ порадовать въ пользу «утѣсненнаго, печальнаго старика», Бестужевъ вновь совѣтывалъ: «ежели *кто* тамъ, въ Петербургѣ, востребуеть отъ тебя желѣза на покрышку каменнаго строенія, то ты бы *жель онаю* представилъ нѣкоторую сумму денегъ въ займы, что тебѣ сугубо заплачено будетъ».

До какой степени «утѣсненному старику» хотѣлось оказать услугу великой княгинѣ и тѣмъ вызвать ея усилія облегчить его положеніе, можно видѣть изъ слѣдующаго: вскорѣ послѣ приведенныхъ нами просьбъ, онъ далъ уже прямое порученіе Рѣдкину:

— «Сходи, по пріѣздѣ твоёмъ въ Москву, къ Демидову и скажи ему мой совѣтъ: пусть онъ одолжитъ Ея Императорское Высочество деньгами; а случай онъ можетъ въ Ея Императорскомъ Высочествѣ сыскать чрезъ камеръ-юнкера Василя Григорьевича Шкурина.»

На всѣ эти засылки Демидовъ ничего не отвѣчалъ, боясь проноса со стороны слугъ, и исполнилъ ли желаніе друга, неизвѣстно.

Въ неизвѣстности о времени освобожденія, томительно и скучно проводилъ время «опечаленный и утѣсненный» старецъ. Привыкну къ дѣятельной жизни, къ занятіямъ преимущественно умственнымъ, онъ прогонялъ скуку медициной, чтеніемъ священныхъ книгъ и газетъ. Изъ книгъ употребительнѣйшими

для него были: библія на нѣмецкомъ языкѣ да псалтырь на славянскомъ. Съ библіей онъ не разставался; она всегда была при немъ, и онъ тщательно покрывалъ ея поля разными замѣтками. Лишенный права не только писать что либо, но даже и имѣть при себѣ черья, чернила, карандаши, Бестужевъ взялъ, однако, карандашъ у живописца, состоявшаго въ числѣ его большой дворни, и имъ дѣлалъ разныя выписки на поляхъ и на отдѣльныхъ листкахъ. Выписки эти были изъ священныхъ книгъ. Бестужевъ коментировалъ ихъ, подбирая текстъ къ собственному положенію. Ковалевъ и нѣсколько другихъ служителей занимались, подъ его руководствомъ, выписками, отчеркиваніемъ да перечеркиваніемъ громогласно читаннаго, и слагали такимъ образомъ цѣлыя молитвы (*). Между ними была даже составлена благодарственная молитва про запасъ, на то время, когда Богъ освободитъ старика отъ заточенія. Но для «повседневной памяти» старикъ собственноручно повыписалъ цифирью изъ псалмовъ разныя стихи и составилъ изъ нихъ слѣдующую записку:

Псаломъ 17, ст. 9. Ив. Ив. Ш.:

Избавитель мой, отвори . . . . . мои гнѣвливыя отъ во-
стающихъ на мя, вознесши мя, отъ мужа неправедна избави-
ши мя.

Псаломъ 24, стихъ 19. В. А. Н.:

Раздѣлиша ризы моя себѣ и одежды моя меташа жребій.

(*) Таковы: 1) двѣ тетради наподобіе молитвы: сведенные изъ разныхъ книгъ стихи животворящей и нераздѣльной Троицы: Отцу и Сыну и Святому Духу, приносимыя 67-лѣтнимъ старикомъ, будучи съ 14 февраля 1758 г., дождеже угодно Богу Отцу, Вседержителю Творцу, подъ крестомъ. «А въ заглавіи ея написано тако: Молитва противъ діавольскихъ стихотворцевъ, т. е. оклеветателей и лже-свидѣтелей, и противъ діавольскихъ ловчихъ и гончихъ собакъ, т. е. враговъ и гонителей.» Подбиралъ стихи самъ Бестужевъ, переписывалъ начерно, а перебывавши во множествѣ списковъ нѣсколько служителей и церковниковъ. 2) Писанные вчеря на разныхъ листахъ такіе же наподобіе молитвы стихи, и въ нихъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, писано карандашомъ. Стихи писаны изъ книгъ служителями; карандашомъ же помарки дѣланы Бестужевымъ. 3) На двухъ листахъ молитва благодарная, въ запасъ сочиненная, когда Богу Отцу, Вседержителю Творцу угодно будетъ шестидесяти-семилѣтняго старика избавить отъ тригоднаго заточенія. Сочинялъ молитву Бестужевъ, списывалъ поповъ сынъ Герасимовъ и проч. Всѣ эти молитвы сохранились въ полустлѣвшихъ и оборванныхъ спискахъ, въ картонкахъ бестужевскаго дѣла, и нѣкоторыя изъ нихъ вошли въ книгу: «Утѣшеніе христіанина въ несчастіи, или стихи, избранныя изъ священнаго писанія». «Утѣшеніе» издано самимъ Бестужевымъ въ 1763 г., въ Москвѣ, съ предисловіемъ Гавріила Петрова, ректора Московской академіи.

Псаломъ 26, ст. 12 Д. В. В.:

Не предаждь мене въ души стужающихъ мя, яко восташа на мя свидѣтели неправедны и солга неправда себѣ.

Псал. 34, ст. 11. Д. В. В.:

Восташа на мя свидѣтели неправедны, я не вѣдѣхъ, вопрошаху мя.

12: Воздаше ми лукавая возблагая и безчадіе души моея.

Псаломъ 40, ст. 10 Д. В. В.:

Ибо человекъкъ міра сего, на него же уповахъ, яды хлѣбы моя, возвеличи на мя запинаніе.

Пс. 56, ст. 5. Ив. Ив. Ш.:

Избави душу мою отъ среды скимновъ, воспахъ смущенъ, сынове человекъчести, зубы ихъ оружія и стрѣлы, и языкъ ихъ мечь остръ.

Пс. 63, ст. 4. Ив. Ив. Ш.:

Иже изостриша яко мечь языки свои, напрягоша лукъ свой вещь горьку.

Пс. 70, ст. 4. Ив. Ив. Ш.:

Боже мой, избави мя изъ руки грѣшнаго, изъ руки законопреступнаго и обидящаго.

Пс. 139, ст. 1. Ив. Ив. Ш.:

Изми мя, Господи, отъ человекъка лукава, и отъ мужа неправедна избави мя.

2. Иже помыслиша неправду въ сердцѣ, весь день ополчахъ брани.

3. Изостриша языкъ свой, яко зміинъ ядъ, аспидовъ, полъ устнами ихъ.

4. Сохрани мя, Господи, изъ руки грѣшничя, отъ человекъкъ неправедныхъ изми мя, иже помыслиша запыти стопы моя.

5. И скрыша горди сътъ мнѣ, и уже преяша сътъ ногами моима.

Для чего дѣлалъ «утѣсенный» старикъ все эти выборки, выписки, для чего составлялъ длинныя молитвы? Настроеніе ли религиозное дѣйствительно обхватило этого замѣчательнаго человекъка? Въ такомъ случѣ было ли то искренно? если искренно, то къ чему онъ приказывалъ переписывать свои выборки во множествѣ списковъ? Не ясно ли, что лукавый старикъ только радѣлъ о томъ, какъ бы долетѣла молва о его благочестивыхъ занятіяхъ до слуха государыни, а тетрадки его съ молитвами, пущенныя въ публику, вызывали бы сожалѣнія да

просьбы за заточеннаго: недаромъ же онъ заботливо пересылалъ эти тетрадки Демидову, также духовнику государыни и просилъ Рѣдкина: «чтобъ разнымъ людямъ, кому возможно будетъ, таковыя записки и молитвы раздавать и о немъ, Бестужевѣ, просить» и проч. Что же касается до записки «для повсѣдневной памяти», то она была плодомъ сильнаго раздраженія противъ главнѣйшихъ изъ его гонителей: выписанные стихи, по его мнѣнью, вызывая въ читателей состраданіе къ его положенію, вызывали негодованіе на тѣхъ, имена которыхъ скрыты были у него подъ буквами. Но они не секретъ: если бы мы вошли въ спальню горетовскаго старика въ одинъ изъ дней декабря 1760 года, мы бы услышали отъ самого графа объясненіе его памятной записки.

— Смотри, Ковалевъ, говорилъ ему Бестужевъ наединѣ, указывая на псалтырь:—литеры эти писаны мной противъ стиховъ въ такой силѣ: *Ів. Ів. Ш.* — про Ивана Ивановича Шувалова, для того, что онъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, при нынѣшнемъ моемъ несчастіи, первый мнѣ злодѣй и непріятель былъ... Зминь ядъ подъ устнами его, и языкъ, яко бритва изошренна!... *В. А. Н.* — про Василія Александровича Нащокина. Этотъ Нащокинъ, во время бытности моей въ комиссіи подъ арестомъ, у меня бралъ и грабилъ. Литеры же *Д. В. В.* написаны мной про Дмитрія Васильевича Волкова.—Онъ Волковъ, продолжалъ не безъ желчи Бестужевъ:—почти мной изъ младенчества воспитанъ и въ люди произведенъ, а наконецъ, при моемъ несчастіи, первымъ злодѣемъ мнѣ сдѣлался и какъ самъ на меня несправедливо и недѣльно доказывалъ, такъ и жесвидѣтелей на меня жъ представлялъ; и испрашивали меня въ комиссіи о томъ, чего я не знаю.

«Утѣсенный старикъ» на этотъ разъ не пускался въ объясненія того, напримѣръ, почему Ив. Шуваловъ почитается наипервѣйшимъ его злодѣемъ, что за зминь ядъ на языкъ этого вельможи, что, наконецъ, грабилъ Нащокинъ. Осторожный въ высшей степени, графъ Алексѣй Петровичъ рѣдко вдавался въ откровенную бесѣду даже здѣсь, въ четырехъ стѣнахъ, съ глазу на глазъ съ ближайшимъ слугою и повѣреннымъ; тотъ же съ своей стороны не дерзалъ пускаться въ распросы. Нельзя, однако, сказать, чтобы графъ не измѣнялъ иногда обычной скрытности и сосредоточенности въ себѣ: не видя ни въ больной, умирающей женѣ, ни въ безпутномъ сынѣ друга, съ которымъ

бы могъ отвести душу въ бесѣдѣ о разныхъ политическихъ и близкихъ для себя матеріяхъ, Бестужевъ хоть немного, но высказывался Ковалеву: такъ, видя, какъ тотъ трудится надъ переписываньемъ отиѣченныхъ имъ мѣстъ въ псалтыри, старикъ говорилъ: «молитвы эти я составляю о себѣ, этими стихами, я какъ дѣло свое, такъ и по тому дѣлу непріятелей своихъ описываю и *Бога за нихъ молю* (?).»

— Вотъ я арестованъ, говаривалъ Бестужевъ въ часы тоски и досады при мысли о безвыходности своего положенія: — я арестованъ и всѣхъ чиновъ лишень, а за что лишень — безвинно! Мнѣ какъ перваго, такъ и послѣдняго манифестовъ не объявлено, и съ меня такой даже подписки, какую со всякаго арестанта брать должно, не брано. Въ манифестѣ напечатано, что я проекты дѣлалъ, а я проекты дѣлалъ такіе, чтобъ во всей Европѣ миръ возстановить на двѣсти лѣтъ! И сдѣлалъ я только одно начало, отъ чего что (это?) можетъ сдѣлаться, а къ концу еще не приведено; а изъ другихъ никто не можетъ выдумать, чтобъ чрезъ что такой миръ возстановить. А я и прежде предлагалъ, да меня не послушали, пожалѣли въ годъ убытка до 50,000 р.! А ежели бъ послушали, то бъ не было такого кровопролитія, какъ нынѣ!

Желчь мутила старика; громадное огорченіе причиняло ему, между прочимъ, то, что онъ, нѣкогда ворочавшій политикой поль-Европы, нынѣ, говоря его собственными словами, «лишень былъ даже наималѣйшаго свѣдѣнія о происхожденіяхъ и дѣлахъ въ Европѣ». Все, что узнавалъ онъ по этому предмету, черпалось имъ изъ русскихъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», и то получаемыхъ едва ли не тайно.

Какъ ни отрывочны и ни незначительны были замѣчанія, упреки и жалобы Бестужева, какъ ни мало ихъ было для трехъ лѣтъ, но и этого было довольно для доносчика. Онъ же не замедлил объявиться, и ни въ комъ другомъ, какъ въ томъ же Ковалевѣ. Оскорбленіе ли (намъ неизвѣстное) со стороны Бестужева, вслѣдствіе того жажда мести, или же (что вѣрнѣе) подкупъ, какая бы причина ни была, но только весной 1761 года Ермолай Ковалевъ сталъ готовиться къ доносу.

Для него было очень важно доказать, что по приказу его господина и по его указаніямъ велась тайная переписка. Но для этого надо было имѣть хотя какую нибудь записку, писанную секретомъ и рукою самого Бестужева. Только имѣя ея, легко

было подтвердить доносъ, что-де секретъ не только указанъ, но даже и употребляемъ былъ самимъ Бестужевымъ. И для того... но позвольте: пусть расскажетъ самъ предатель о томъ, какъ добылъ онъ улику:

«Вздумалъ я въ маѣ 1761 г. притворно Бестужеву объявить, что яко бы онаго секрета письма, писанныя мною, наружу не выходятъ, почему я и просилъ онаго Бестужева, чтобъ тотъ самъ своею рукою тѣмъ секретомъ что нибудь написалъ. Тогда Бестужевъ взялъ нѣмецкую книгу (библію) и показалъ въ ней секретомъ написанныя на бѣлой бумагѣ рѣчи: Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному и проч. «Ну, вотъ смотри, сказалъ при этомъ Бестужевъ: — я этому секрету самъ пробу дѣлалъ — вышло хорошо.» Съ того времени, продолжаетъ Ковалевъ, искалъ я случая, какимъ бы образомъ тотъ образецъ изъ книги вырвать, что было нелегко, такъ какъ Бестужевъ ту книгу всегда имѣлъ при себѣ; наконецъ только въ ночь на 24 іюня 1761 года, предъ самымъ уходомъ изъ дому, удалось мнѣ вырвать эту четвертку.»

Ковалевъ оказывался извѣтчикомъ весьма предусмотрительнымъ: чтобы не забыть при объявленіи въ тайной канцеляріи, какимъ секретамъ обучалъ его господинъ, для веденія переписки, онъ написалъ по нѣскольку титуловъ каждымъ способомъ и отмѣтилъ противъ нихъ или *К.*, или *М.*, или *У.*, что означало «квасами, молокомъ, уриной»; затѣмъ уворовалъ изъ спальни господина псалтырь съ отмѣтками, да тетрадки и листы съ молитвами и литіями, да нѣкоторыя письма. Съ этимъ запасомъ уликъ вѣроломный слуга явился въ можайскую канцелярію и объявилъ, что имѣетъ нужду съ тайной. Его переслали въ контору тайной канцеляріи въ Москву, отсюда въ Петербургъ. и здѣсь предъ лицомъ Александра Ивановича Шувалова негодай объявилъ слѣдующее: «Алексѣй Бестужевъ, будучи въ Горетовѣ, сочинялъ молитвы, въ псалтыри отмѣчалъ разные стихи, ставилъ противъ нихъ имена знатныхъ лицъ и пр. Онъ научалъ меня, Ковалева, да Рѣдкина писать разными способами, чтобъ никто читать не могъ, и мы, по его приказу, вели переписку тайно отъ караульнаго маіора». Далѣе, въ семи пунктахъ, доносчикъ передалъ извѣстныя уже намъ рѣчи его господина о своей невинности, о неправыхъ дѣйствіяхъ надъ нимъ судной комиссіи, о его проектѣ и проч.

Нечего и говорить, что извѣтъ слуги да принесенныя имъ

бумаги приняты были врагами опального съ великою радостію. Въ руки ихъ попадалъ новый предлогъ примучить своего противника и разъ навсегда отнять у него даже надежду на выходъ изъ своего положенія; доносъ, однако, надо было обставить подтвердительными показаніями другихъ лицъ. Съ этою цѣлью обратились къ Рѣдкину и Нагаеву. Добровольно ли, или въ тюрьмѣ и подѣ страхомъ пытки, но каждый изъ нихъ подтвердилъ о секретѣ, о попыткахъ Бестужева возвратить къ себѣ милость и прощеніе, о посредствѣ въ этомъ случаѣ Демидова и духовника государыни, о совѣтахъ Бестужева Демидову дать въ займы денегъ великой княгинѣ, о пересылкѣ въ Горетово оружія, и пр.

Собравъ такія свѣдѣнія, тайная канцелярія послала въ Горетово нарочнаго чиновника, съ рядомъ запросовъ. Алексѣй Петровичъ, какъ ни былъ сильно огорченъ и испуганъ вѣроломствомъ слуга, но все-таки сохранилъ на столько присутствія духа, что съумѣлъ съ обычною сдержанностію отвѣтить на каждый изъ вопросовъ.

Такъ о закупленномъ имъ оружіи (тайная канцелярія не замедлила отобрать его) Бестужевъ объявилъ: «куплено оно мной на то время, когда караулъ будетъ сведенъ и я получу позволеніе ѣздить по другимъ деревнямъ, и тѣ бѣ ружья были бы имѣ для безопасности отъ разбойниковъ или отъ своихъ крестьянъ».

«— Что до стиховъ въ псалтыри, также уклончиво показывалъ старикъ:—то я отмѣчалъ ихъ литерами, карандашомъ, взятымъ у живописца, тайно отъ караульнаго маіора, и литеры ставилъ изъ священнаго писанія, да и означенную надпись надъ молитвою написать приказывалъ въ силу священнаго писанія въ такомъ разумѣ, что *ежели такіе есть люди*, чтобъ Богъ меня отъ нихъ защитилъ и сохранилъ. Квасцами же переписку я имѣть приказывалъ, но только о дѣлахъ домовыхъ; наконецъ, о невинномъ своемъ страданіи, лишеніи чиновъ и пр., да о томъ, что всемилостивѣйшая государыня службы моей не помнитъ и т. п. ничего я не говорилъ.»

30 іюля 1761 года графъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ внесъ къ государынѣ докладную записку о новыхъ преступленіяхъ опального канцлера. Сильный недугъ Елисаветы, пять мѣсяцевъ спустя кончившійся смертію, былъ причиною того, что по докладу, сколько намъ извѣстно, ничего не было сдѣлано;

тѣмъ не менѣе, все это время злополучный старикъ сильно тревожился и серьезно разболѣлся.

— Помѣщикъ мой, Алексѣй Петровичъ, писалъ его слуга одному изъ пріятелей графа отъ 13 августа 1761 года, крайне болѣзнъ и лежитъ въ постели, а болѣзнъ произошла отъ ипохондрии и почечушной во всемъ тѣлѣ, отъ колѣнъ до локтей, колотье и рѣзь... и сколько медикаментовъ ни употребляли, однако противъ прежняго никакого облегченія нѣтъ»... И потому больной «наипрележно» просилъ передать его высокографскому сіятельству графу А. И. Шувалову нижайшее прошеніе: для самого Бога исходатайствовать высочайшую милость погребсти по смерти тѣло его, Бестужева, въ Москвѣ, при церкви Бориса и Глѣба (что у Арбатскихъ воротъ), близъ родителей. Умирающій просилъ также, чтобъ женѣ его, графинѣ Аннѣ Ивановнѣ, по его смерти, дозволено бы было жить и умереть въ какомъ нибудь городѣ, гдѣ есть кирка (*).

Но Бестужевъ не умеръ. Ему суждено еще было получить вѣсть о смерти императрицы Елисаветы, суждено было и оплакать свою старушку жену. Графиня Анна Ивановна скончалась 15 декабря 1761 года, на его рукахъ, въ Горетовѣ. По поводу ея погребенія онъ имѣлъ случай убѣдиться, что новый государь нисколько не желаетъ облегчить его участи, чего, впрочемъ, и надо было ожидать, такъ какъ Петръ Ѳеодоровичъ справедливо считалъ его главнѣйшимъ своимъ врагомъ. Бестужевъ просилъ позволенія похоронить жену въ Москвѣ, при киркѣ, и получилъ въ отвѣтъ лаконическую записку: «О Бестужева женѣ указалъ государь, чтобъ похоронить въ деревнѣ, а въ Москву не возить.»

Лаконическая записка показала графу Алексію Петровичу, что не въ царствованіе Петра III обернется къ нему fortuna, надо ждать чего-то особеннаго, то, къ чему давно онъ стремился, изъ-за чего пострадалъ, именно, чтобъ великая княгиня стала во главѣ правленія. Личности обохъ супруговъ были ему какъ нельзя лучше извѣстны, и, слѣдовательно, онъ могъ надѣяться на скорый и счастливый переворотъ. Эта надежда только и поддерживала, только и умалала горечь его страданій отъ потери жены, безпутства сына, вѣроломства довѣреннѣйшихъ

(*) Письмо Николая Вѣлоусова 21 августа 1761 г., къ его высокоблагородію Данилѣ Христіановичу (фамилія неизвѣстна).

слугъ, дрязгъ, привязокъ и притѣсненій по долгамъ, отъ караула, а больше всего отъ тайной канцелярїи. Надежды его оправдались... Звѣздѣ стараго дипломата вновь суждено было засверкать на петербургскомъ горизонтѣ...

VII.

ОСВОБОЖДЕНІЕ И ОПРАВДАНІЕ.

1762 г.

28 іюня 1762 года Екатерина взошла на престолъ. Среди тревоженней дня, Екатерина Алексѣевна вспомнила о другѣ-*пра-жесктерѣ*: Л.-Гв. Преображенскаго полка подпоручикъ Николай Калышкянъ, нѣкогда въ чинѣ сержанта, оказавшій такое усердіе въ сношеніяхъ великой княгини съ арестованнымъ канцлеромъ, нынѣ, 28 іюня, получилъ слѣдующій указъ:

«При благополучномъ нашемъ на всероссійскій престолъ вступленіи, для показанія нашей императорской милости графу Алексѣю Петровичу Бестужеву-Рюмину, повелѣваемъ его, графа Бестужева-Рюмина, возвратить немедленно ко двору нашему, и, для того ѣхать вамъ въ его деревни, въ самой скорости, и объявляя ему нашу императорскую милость, препроводить его сюда немедленно». (*)

ЕКАТЕРИНА.

Данъ въ С.-Петербургѣ 28 іюня 1762 года.

Новая государыня явила милость съ тою щедростію и деликатностію, какія являла потомъ, во все свое тридцати-четырехлѣтнее царствованіе, относительно всѣхъ лицъ, заслуживавшихъ ея признательность: старику на дорогу было послано 400 червонныхъ, подъ Петербургомъ его ждали придворные экипажи, и онъ привезенъ былъ ко двору. Здѣсь государыня приняла его необыкновенно милостиво: пожаловала 10,000 руб-

(*) Вечеромъ 1 іюля 1762 г., гвардіи капитанъ Лопухинъ встрѣтилъ въ Москвѣ двѣ скачущія на почтовыхъ лошадахъ коляски. Въ передней сидѣлъ офицеръ. Лопухинъ узналъ въ немъ своего товарища Калышкина. Экипажи остановились. «Поздравляю тебя съ новою императрицею нашею Екатериною Алексѣевою, кричалъ Калышкянъ: Богомъ на престолъ возведена! Я теперь скачу не останавливаясь, съ указомъ Ея Величества къ графу Алексѣю Петровичу Бестужеву, чтобъ онъ немедленно ѣхалъ къ Ея Императорскому Величеству въ Петербургъ. Богъ ни о чемъ меня не спрашивай... Прощай!» Калышкянъ былъ первый вѣстникъ въ Москвѣ о востшествіи на престолъ Екатерины II.

лей на обзаведеніе, возложила на грудь маститаго старика, павшаго предъ ней на колѣни, орденъ св. Андрея — первоначально Бестужевъ имѣлъ его до ссылки — и такъ какъ мѣсто канцлера было занято, то наименовала его генералъ-фельдмаршаломъ и назначила ему первое мѣсто въ сенатѣ. Внимательная до мелочей, Екатерина предоставила въ распоряженіе пріѣзжаго роскошную квартиру, столъ отъ двора, приглашала его на всѣ торжественные обѣды и куртаги и на нихъ являла ему знаки полнѣйшаго вниманія и уваженія. На одномъ изъ этихъ куртаговъ, Екатерина обѣщала освободить его отъ платежей казенныхъ долговъ (*).

Старикъ, между тѣмъ, спѣшилъ воспользоваться счастіемъ, такъ свѣтло на него взглянувшимъ. Не довольствуясь тѣми милостями, какими осыпала его Екатерина, онъ считалъ себя въ правѣ, драпируясь четырехлѣтними страданіями ссылки, обратиться къ ней съ цѣлымъ рядомъ просьбъ. Одною изъ первыхъ была просьба о прощеніи ему громадныхъ его долговъ. Въ предисловіи къ этому прошенію, графъ пересчитывалъ всѣ милости, которыя онъ уже видѣлъ относительно себя со стороны новой государыни; вспоминаетъ, какъ государыня, «безъ отлагательства» и его, «въ крайнемъ изнуреніи бывшаго и весьма опечаленнаго человѣка, отъ неисходнаго въ деревнѣ подъ арестомъ житья освободила»; вспоминаетъ о томъ почетѣ и вниманіи, съ какими его приняла; изливается въ благодарностяхъ, въ обѣщаніяхъ молиться до послѣдняго издыханія за здравіе и счастливое правленіе своей благодѣтельница, наконецъ проситъ «не принять за противное, что онъ, при такъ много оказанной къ нему милости», обращается съ напаятованіемъ: подписать указъ о прекращеніи взысканій съ него казенныхъ долговъ и о вознагражденіи его разоренія полнымъ окладомъ жалованья и столовыхъ денегъ по званію канцлера за все то время, которое онъ находился въ ссылкѣ. Вообще «старикъ» просилъ: «оказанныя къ нему милости совершенными учинить».

Проектъ указа сенату былъ написанъ Бестужевымъ: честолюбивый старикъ, какъ въ этомъ, такъ и въ послѣдующихъ

(*) О союзникахъ канцлера также не было забыто: государыня дала собственноручный указъ: «секретаря Алексѣя Петровича Бестужева, именовъ *Канцлера*, который нынѣ въ Астрахани публичнымъ натариусомъ, сюда привести обратно; генерала *Веймарна*, который въ Сибири при командѣ тамошней обрѣтается, также сюда привести».

случаяхъ, не считалъ предосудительнымъ высчитывать свои заслуги да разрисовывать всѣ свои «претерпѣнія». По проектированному указу, до 40,000 рублей взысканныхъ уже съ него денегъ нынѣ должны были быть возвращены ему безъ замедленія, равно какъ заложенные имъ и сыномъ его вещи въ Московскомъ почтамтѣ; за брильянты его, взятые во дворецъ, по оцѣнкѣ должно было быть выплачено 12,200 рублей; содержанія окладнаго жалованья и столовыхъ по званію канцлера повелѣвалось выплатить ему по 14,000 рублей за каждый годъ съ 1757 по 1763 годъ: «для того — писалъ самъ о себѣ Бестужевъ — что онъ, графъ Бестужевъ-Рюманъ, никакихъ прибылей не искалъ и ничѣмъ не корыстовался, а довольствовался единственно тѣмъ, что отъ Высочайшихъ предковъ нашихъ изъ милости ихъ по заслугамъ его пожаловано ему было».

Проектъ указа поданъ былъ графомъ въ началѣ августа 1762 года, одновременно съ обширной запиской и проектомъ манифеста. Дѣло въ томъ, что высокосамолюбивый старецъ не могъ простить того, что враги его нѣкогда столь жестоко его обезславили, онъ жаждалъ возстановленія своего *честнаго* имени новой публикаціей, а тѣмъ самымъ желалъ попать противниковъ и завистниковъ, наказать ихъ и показать всѣмъ и каждому, что теперь онъ еще выше, еще ближе стоитъ у трона новой монархини, нежели стоялъ у ея тетки.

Съ этою цѣлью, испросивъ у государыни позволенія подать на ея «апробацію» и утверженіе оправдательный свой «меморіалъ», Алексѣй Петровичъ обдѣлалъ его весьма старательно. Документъ этотъ интересенъ: въ немъ высказывается великій канцлеръ, «противникъ Фридриха», весь съ его безмѣрнымъ самолюбіемъ, честолюбіемъ, весь съ его дипломатически-изворотливымъ, втѣватымъ языкомъ и тонкимъ умомъ. Избѣгая, однако, съ одной стороны повтореній (а ихъ много въ оправданіи), съ другой боясь утомить нашихъ читателей длинной выпиской, мы представимъ только содержаніе записки:

Поблагодаривъ за благодѣянія и милости, Бестужевъ заявляетъ надежду, что онъ продолжится и впредь, а поэтому находить нужнымъ принести оправданіе. Онъ хочетъ доказать, что вовсе не заслуживалъ жестокаго и строгаго ареста, продолжавшагося четыре года и пять мѣсяцевъ, что наказаніе разразилось надъ нимъ безъ всякой съ его стороны вины, единственно отъ зависти, ненависти и клеветы. Въ десяти пунктахъ онъ

представляет доказательства невинности и описывает проски своихъ враговъ.

1) «Я не говорю о томъ — пишетъ графъ Алексѣй Петровичъ — съ какою вѣрностію и успѣхомъ служилъ я съ 1712 года Петру Великому и его потомкамъ, но всѣмъ извѣстно, что и «Ея Императорское Величество, блаженныя и высокославныя памяти, любезная тетка ваша, великая государыня императрица Елисавета Петровна» мою долготѣню службою весьма была довольна: чины и разныя награжденія, жалованныя ему, служить тому доказательствомъ. «Напоследокъ же я вдругъ, по ея указу, арестованъ, за что, воистину, не знаю, и о томъ мнѣ не было объявлено. Послѣ того въ манифестѣ 27 февраля 1758 года обвиненъ я въ оскорбленіи Ея Величества. Въ чемъ же оно состояло, ни манифестъ, ни чины комиссіи не только не объясняли мнѣ, но послѣдніе по этому пункту даже меня и не допрашивали, а тѣмъ болѣе не могли и доказать этого обвиненія. Слѣдовательно, столь важное обстоятельство взведено на меня единственно по злобѣ и оклеветанію. А потомъ, какъ вѣрное и будто бы доказанное, обвиненіе опубликовано въ новомъ манифестѣ. Манифестъ отъ меня скрыли; да и въ немъ не было надлежащихъ по закону словъ: виновный-де по допросу признался, повинился и своеручно подписался. Въ началѣ же засѣданій комиссіи князь Н. Ю. Трубецкой сказалъ: «вотъ хотѣли милліоны найдти»: изъ этихъ словъ видно, что и другія разныя клеветы на меня были.»

2) Въ теченіе всего слѣдствія Волковъ постоянно являлъ пристрастіе, придирки и несоблюденіе формъ, сколько нибудь дающихъ возможность обвиняемому оправдаться.

3) Манифестъ 5 апрѣля 1759 года, обрекавшій меня на ссылку въ деревню, не былъ мнѣ показанъ; мнѣ нисколько не было объявлено его содержаніе, быть можетъ изъ боязни, чтобы я не сказалъ чего въ оправданіе и не показалъ бы лживости обвиненій и «не помѣшалъ бы намѣренію завистниковъ моихъ въ совершенномъ изнуреніи меня».

4) При отъѣздѣ моемъ въ деревню, комиссія грубо мнѣ отказала въ просьбѣ отправить меня не въ Горетово, а въ ту изъ деревень, гдѣ есть помѣщичій домъ; мнѣ было отказано

(*) См. выше: «Слѣдствіе и судъ». Тамъ приведены жалобы Бестужева на Волкова, какъ на допросчика.

на основаніи указа, который, однако, скрыли. Я съ семействомъ долженъ былъ поселиться, подъ строгимъ арестомъ, въ крестьянскихъ избахъ, безъ малѣйшаго вѣдѣнія о своихъ преступленіяхъ.

5) Графиня, предъ своимъ отъѣздомъ за мной, вынуждена была дать росписку на російскомъ языкѣ, котораго она ни слова не понимала (*), и что подписала, съ тѣмъ и умерла, что не знала, да и я до сихъ поръ не знаю, въ чемъ она состояла.

Далѣе (въ пунктѣ шестомъ) канцлеръ приводитъ доказательство, до чего увлекся Волковъ, чтобъ только выпытать отъ него какія либо улики: Бестужевъ рассказываетъ (извѣстный уже намъ) запросъ Волкова: отчего иностранные министры пріѣзжали къ нему не въ обыкновенные часы? и проч. «Угрозу свою представить тому свидѣтелей Волковъ не могъ осуществить, въ чемъ ссылаюсь на всю комиссію. Члены ея были спектаторами и оставались въ глубокомъ молчаніи въ продолженіе всей сцены, такъ что Волковъ все то дѣлалъ противъ меня самопроизвольно, безъ всякаго къ комиссіи уваженія», и потому не вѣроятно ли всякому безпристрастному человѣку, чтобъ Ея Императорское Величество (кто бы то ни былъ) такими подобными лжесвидѣтельствами и оклеветаніями противъ меня на неповинный гнѣвъ не привелъ?»

До сихъ поръ Алексѣй Петровичъ касался только частныхъ, несоблюденія нѣкоторыхъ «обрядовъ» тогдашняго судопроизводства, грубости судей и проч.; въ послѣдующихъ четырехъ пунктахъ онъ обращается наконецъ къ манифесту 5 апрѣля 1759 года, съ рѣшимостію совершенно разбить его «сочинителя Волкова».

7) Сочинитель манифеста — такъ старается доказать Бестужевъ — всему иной видъ далъ: онъ обвинилъ меня въ заперательствѣ, межъ тѣмъ какъ я и не думалъ запираяться. Доказательствомъ этого служить то, что нѣкоторыхъ обстоятельствъ, прямо служившихъ въ оправданіе, я не сказалъ, по тогдашней мнѣ слабости и болѣзни.

8) Волковъ включилъ въ первый пунктъ обвинительнаго манифеста то, будто бы я присвоивалъ себѣ многія не принадле-

(*) Графиня была родомъ изъ Гамбурга, дочь тамошняго резидента отъ русскаго двора Веттингера.

жація дѣла и тѣмъ искалъ распространить власть мою. Но нѣтъ, я не только не старался ее распространить, что, какъ мнѣ кажется, вся публика замѣтила, но, напротивъ, я ее умалялъ. Болѣе же всего старался споспѣшествовать службѣ государынѣ и благосостоянію отечества, вслѣдствіе чего два раза подавалъ Ея Величеству письменныя представленія объ учрежденіи при дворѣ нарочной конференціи; я представлялъ, что, по тогдашнимъ военнымъ и критическимъ конъюнктурамъ, необходимо придать канцлеру и вице-канцлеру по одному чину изъ сената, изъ адмиралтейской и военной коллегій; изъ этихъ лицъ составить общій совѣтъ, конференцію. Такъ и было сдѣлано. По Высочайшему повелѣнію, учреждена конференція, съ тою только разницею, что въ нее введено, по имянному повелѣнію, еще нѣсколько лицъ. Мои представленія, я думаю, находятся въ дѣлахъ конференціи: они подтверждаютъ истину моихъ словъ.

9) Что касается до втораго, третьяго и четвертаго пунктовъ Волковского сочиненія, то они сами собой меня оправдываютъ: въ нихъ нѣтъ ничего точнаго и дѣломъ доказаннаго; клевета замѣняетъ правду.

А что внесено по злоумышленному оклеветанію, будто я умалялъ любовь Ихъ Императорскихъ Высочествъ къ Ея Императорскому Величеству, то Ваше Императорское Величество сами невинность мою знаете и оправдать соизволите: я никогда не бывалъ орудіемъ столь злымъ и наказанія достойнымъ.

10) Въ концѣ жъ манифеста упоминается о найденныхъ собственноручныхъ моихъ проектахъ, будто бы недоброхотныхъ; но я бы усердно желалъ, чтобъ они были напечатаны и опубликованы. Проекты эти не только бѣ меня оправдали, но и вызвали бы похвалу: они способствовали славѣ Ея Величества и вели къ постоянному, какъ внутреннему, такъ и наружному, покою всего отечества.

Во всей запискѣ Бестужевъ нѣсколько разъ съ невольной злобой относится къ Волкову. Можно подумать, что онъ непременно станетъ просить судить и наказать его за «ложныя оклеветанія». Но нѣтъ, графъ Алексѣй Петровичъ слишкомъ уменъ, чтобъ дать такой промахъ: онъ очень хорошо зналъ умъ и сердце великой княгини, зналъ, что она, въ особенности теперь, въ первый годъ царствованія, не позволитъ себѣ, въ удовольствованіе чьего бы то ни было самолюбія, наказать человѣка, тѣмъ болѣе столь высокостоявшаго при ея предшественникѣ,

какъ стоялъ Волковъ; а относительно этихъ лицъ, въ избѣжаніе нареканій, Екатерина была особенно осторожна. Наконецъ, ей трудно бы было удовлетворить мстительности разныхъ опальныхъ сановниковъ, которые теперь явились при ея дворѣ, вызванные изъ ссылки, нѣкоторые Петромъ III, другіе ею, таковы: Биронъ, Минихъ, Лестокъ, Лопухины и нѣкоторые другіе... Словомъ, Бестужевъ видѣлъ, что онъ просьбою «штрафованій» Волкова и его согласниковъ ничего не сдѣлаеть; онъ и избѣжалъ ея, а заключилъ записку увѣреніями, что повергаетъ ее къ стопамъ Ея Величества «не въ намѣреніи кому отищеніе учинить или искать сатисфакціи въ учиненныхъ ему утѣсненіяхъ и оклеветаніяхъ, но изъ желанія, чтобы Ея Императорскбе Величество всенароднымъ манифестомъ объявила бы его невинность» (*).

Манифестъ, разумѣется, проектированъ былъ никѣмъ другимъ, какъ тѣмъ же Бестужевымъ-Рюминымъ; онъ его и приложилъ къ запискѣ. «Проектъ» оправдывалъ Елисавету, но клеймилъ лукавыхъ и пронырливыхъ оклеветателей и лжесвидѣтелей, по

(*) Волкова положеніе, однако, при новомъ дворѣ было весьма неловкое. По старымъ дворцовымъ преданіямъ, онъ долженъ былъ ждать опалы. Пріятели отъ него отворачивались, враги сильно интриговали; единственно, на что онъ могъ надѣяться, это на незлобіе, доброту и снисходительность Екатерины. Въ этой надеждѣ онъ и писалъ, 10 іюля 1762 года, къ одному изъ новыхъ сановниковъ, какъ кажется, къ Г. Г. Орлову: «какъ ни горестно мое состояніе, сношу, однакожъ, оное съ крайнею терпѣливостію и жребія своего ожидаю тѣмъ спокойнѣе, что, во первыхъ, не страдаю я никакимъ внутреннимъ угрызненіемъ, а потомъ, что я во всю мою жизнь никогда и ни о чемъ не спрашивалъ; да такимъ же образомъ желаю и теперь спасеніе свое не моимъ просьбамъ и документамъ, но единственно матерней Ея Императорскаго Величества милости долженствовать. Но, слыша теперь, что мои непріатели, радуясь моему несчастію, ищутъ увеличить оное поносительными о мнѣ разглашеніями, а другіе, не зная меня въ глаза, а еще меньше дѣла моихъ, но какъ подлые челоукоугодцы, считаютъ ложныя на меня клеветы, принужденнымъ себя нахожу утрудять ваше превосходительство описаніемъ главныхъ проществій моей при дворѣ жизни.» Затѣмъ Волковъ проходитъ молчаніемъ шестилѣтнюю службу свою въ конференціи, ни слова не говорить о слѣдствіи и судѣ надъ Бестужевымъ, но рассказываетъ прелюбопытныя и весьма важныя факты относительно времени съ декабря 1761 по іюнь 1762 г., въ продолженіе котораго онъ имѣлъ весьма большое значеніе и вѣдалъ дѣлами первой важности. Какъ это письмо Волкова, отъ 10 іюня, такъ и второе затѣмъ, отъ 11 іюля 1762 г., являютъ въ немъ замѣчательное спокойствіе духа. Волковъ пишетъ просто, ясно, безъ витiatedостей, безъ унижительныхъ фразъ, безъ голословныхъ порицаній или оправданій. Въ этомъ отношеніи его оправдательныя письма гораздо выше записки его врага. Жаль только, что онъ умолчалъ о службѣ въ конференціи. Въ 1763 году онъ отправленъ въ почетную ссылку, губернаторомъ въ Оренбургъ.

хитрости которыхъ возбужденъ былъ ея гнѣвъ на вѣрнаго и преданнаго ей канцлера. Проектъ ссылался на оправдательную записку, какъ видно, предназначавшуюся также для печати, какъ на документъ, «пространно и удостовѣрительно» свидѣтельствующій о совершенной невинности графа, и наконецъ возвѣщалъ не только возвращеніе всѣхъ чиновъ и достоинствъ, съ прежнимъ старшинствомъ, но, сверхъ того, объявлялъ новыя награды «усердному, вѣрному и отличному» слугѣ. Слуга, составляя проектъ отъ имени Екатерины, противъ словъ: «жалуемъ его», оставилъ пробѣлъ, быть можетъ, въ чаяніи, что сюда впишется какое нибудь новое пожалованье.

Записка съ проектомъ манифеста, какъ мы знаемъ, поданы были въ первыхъ числахъ августа 1762 года. Прошла недѣля, кончилась другая. Государыня, по прежнему видѣлась съ Бестужевымъ довольно часто, по прежнему къ нему была внимательна, но о запискѣ — ни слова. Старикъ начинаетъ беспокоиться; ему уже кажется, что государыня недовольна оправданіемъ: и длинно-то оно, и мало-то въ немъ офиціальностей вѣрноподданическихъ, и много личностей; или, быть можетъ, государыня и не читала ея.... Словомъ, «бывшій канцлеръ» не дождался, пока государыня сама заговоритъ о его просьбѣ: онъ при первомъ случаѣ палъ предъ ней на колѣни и «всенижайше напаматовалъ». Государыня вновь повторила обѣщаніе «оправданіе въ дѣйство произвестъ» и объявила, что записку прочитала до половины (*).

Какъ ни была деликатна государыня по отношенію къ самолюбивому старику, но тотъ, вѣроятно, успѣлъ замѣтить, что записка, а главное проектъ манифеста не совсѣмъ удобны къ публикаціи, и потому онъ ихъ прилежно пересмотрѣлъ, кой-что сократилъ и вообще постарался, во первыхъ, не упоминая ничьей личности, «показать самое оправданіе и возведенныя на него оклеветанія», а во вторыхъ оправдать покойную императрицу, что все-де несчастіе съ нимъ было не по ея соизволенію, но происками оклеветателей.

(*) Если государыня не торопилась читать записку Бестужева-Рюмина, то незадолго до этого она внимательно пересмотрѣла слѣдственное дѣло надъ нимъ 1758—1759 г. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить по ея собственноручнымъ замѣчаніямъ на поляхъ дѣла: Екатерина въ двухъ мѣстахъ отмѣтила о Теплоѣ, что-де онъ, а не кто другой, былъ тайнымъ доносителемъ на сношенія Бестужева съ Кирилломъ Разумовскимъ.

Исправивъ, такимъ образомъ, оба документа, Бестужевъ, подъ предлогомъ болѣзни, 27 августа 1762 г. препоручилъ племяннику, князю Михаилу Никитичу Волконскому, представить ихъ Ея Величеству, и представить какъ можно скорѣе. Дворъ соби-рался въ Москву, наступали коронаціонныя празднества: они не только могли замедлить, но даже и вовсе сдѣлать неумѣст-нымъ (такъ думалъ Бестужевъ) публикацію о его невинности. А, между тѣмъ—писалъ онъ къ князю Волконскому—«мнѣ бы для себя, какъ выше упомянуто, просимое оправданіе толь нужнѣйшимъ есть, что хотя многія милости получилъ, одна-кожь бы оное за верхъ всего своего благополучія и обрадованія при недолговременной своей жизни имѣлъ, а инако бы я въ прежнемъ поношеніи бывшимъ арестомъ, какъ преступникъ, остался, къ великому (своему) оскорбленію и печали. Печаль эта прежде времени меня во гробъ свести легко можетъ»...

Что это такъ заторопился старый дипломатъ? что за прису-щая необходимость ему, уже осыпанному наградами, видѣть себя поскорѣе всенародно оправданнымъ особымъ манифестомъ? Во-просы эти разъясняетъ самъ «бывшій соправитель», въ томъ же письмѣ къ племяннику: онъ приговаривается, что—де до него доходятъ голоса зависти, что эти голоса: будто бы Бестужевъ-Рюминъ младенчествуетъ, что онъ не имѣетъ никакой памяти, ни къ какимъ дѣламъ неспособенъ. Толки могутъ найти вѣру, государственный мужъ могъ пасть въ глазахъ чиновной публи-ки, многія лица могли подумать, что онъ не имѣетъ «кредита» при новомъ правительствѣ. Вотъ почему, для разъясненія злыхъ толкованій, старикъ, «не теряя времени», умоляетъ: скорѣе об-народовать оправдывающій его манифестъ.

«Разсудите, ваше сіятельство—съ горечью и худо скрытымъ негодованіемъ, оканчивалъ Бестужевъ письмо—буде я за старос-тію и слабою памятью къ службѣ неспособнымъ почитаемъ, то хотя бь другой кто и въ половину семидесяти лѣтъ былъ (*), но въ гоненіяхъ и угѣсненіяхъ будучи полъ-пята года, притомъ, лишаясь наинмалѣйшаго свѣдѣнія о происхожденіяхъ и дѣлахъ въ Европѣ, едва ли возможетъ понятіе и разсужденіе объ оныхъ явственно и такъ скоро имѣть, какъ я сюда пріѣхалъ. Одна-кожь, при всегдашней отъ Бога помощи въ дѣлахъ, могъ бы еще нѣсколько и я, по своей обыкновенной ревности, службу

(*) Графъ Алексѣй Петровичъ родился 22 мая 1692 г., по другимъ—1693 г.

показать, когда бѣ только состояніе мое нынѣшнее поправлено и отъ поношенія избавлено было. А, впрочемъ, я не завидливъ, но, по пословицѣ, отдаю тому книги, кто лучше знаетъ, и ничего себѣ не желаю: ни славы въ великой знатности, ни богатства, будучи одною почти ногою во гробѣ, а только желаю оставить по себѣ честное имя»...

Такимъ смиреннымъ, безкорыстнымъ старцемъ являлся Бестужевъ тамъ, гдѣ нужно было прикинуться и смиреннымъ, и незавидливымъ, и нечестолюбивымъ.

И этотъ «во гробъ смотрящій старецъ» умѣлъ и успѣлъ добиться желаемого: манифестъ о его невинности былъ опубликованъ 31 августа 1762 г. (*) Бывшій «соправитель» успокоился и почувствовалъ въ себѣ «обыкновенную ревность» къ дѣламъ: онъ принялъ участіе въ составленіи и обсужденіи главнѣйшихъ распоряженій правительства, какъ по внутреннимъ, такъ и по внѣшнимъ дѣламъ имперіи, безпрестанно являлся ходатаемъ предъ Екатериной за разныя лица и сословія (**), либо вносилъ на ся апробацію мнѣнія свои о необходимости того или другаго постановленія, составлялъ проекты указовъ и проч. (***) Среди

(*) Манифестъ о «невинности» имѣлъ затѣмъ другую редакцію, и притомъ редакцію далеко не столь сердитую. Въ новомъ своемъ видѣ манифестъ молчалъ о «слухавыхъ и пронырливыхъ оклеветателяхъ», вообще не дѣлалъ никакихъ намековъ, а исключительно вѣщалъ о человеколюбіи, проникательности и другихъ добродѣтеляхъ новой государыни; по словамъ манифеста, она и возвышала опальнаго соправителя ради защищенія имени и добродѣтелей Елисаветы. См. П. С. Зак. т. XVI, № 11639, с. 16.

(**) Онъ явился между прочимъ заступникомъ за старообрядцевъ. Раскольники изъ разныхъ мѣстъ Россіи просили его въ особенной челобитной въ ноябрѣ 1762 года, яко своего отца и покровителя, ходатайствовать о прекращеніи на нихъ гоненій, о дозволеніи имъ имѣть старопечатныя книги и проч. Бестужеву принадлежатъ: проектъ указа объ Араніи Мацѣвичѣ, припамятованіе Сенату о поднесеніи Екатерины II титула: «матери отечества» (см. въ Прил. II, №№ 1 и 2), записка объ обрядѣ поминовенія государя Петра III и проч.

(***) На раду съ этими представленіями, графъ, вопреки недавнимъ увѣреніямъ, что онъ ни въ чемъ не нуждается, просилъ, однако, за членовъ своей фамиліи и просбамъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ повторялъ по нѣскольку разъ: такъ онъ просилъ утѣшенія сыну своему Андрею. Наслѣдникъ графа до ссылки своей имѣлъ чинъ генераль-поручика, дѣйствительнаго камергера и былъ кавалеромъ орденовъ св. Александра и св. Анны. Теперь отецъ просилъ, ради сравненія Андрея Бестужева съ сверстниками, пожаловать его чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалеромъ св. Андрея. Ходатайствовалъ старикъ и о племянникахъ своихъ (все это въ первые же мѣсяцы по возвратѣ изъ ссылки): такъ полковнику князю Алексѣю Никитичу Волковскому, родному своему племяннику, просилъ онъ чинъ генераль-майора, орденъ св. Анны и мѣсто члена въ военной коллегіи; двоюродному же племяннику, ответственному секунд-майору Лукьяну Ивановичу Камынину,

этихъ заботъ мы и оставимъ старика въ почетѣ, славѣ и богатствѣ доживать немногіе годы его жизни (онъ умеръ 10 апрѣля 1766 г.). Снѣмъ думать, что приведенныхъ фактовъ совершенно было достаточно для знакомства съ замѣчательною личностію графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина. Человѣкъ этотъ во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія и изученія изслѣдователя XVIII вѣка русской исторіи; для насъ же онъ интересенъ какъ одинъ изъ главнѣйшихъ виновниковъ войны Россіи съ Пруссіею, самый лукавый и, при всѣхъ его недостаткахъ, самый умный, самый достопамятный сановникъ елисаветинскаго времени, замѣчательнѣйшій мужъ изъ всѣхъ противниковъ Фридриха Великаго.

Давъ много мѣста до сихъ поръ біографическимъ подробностямъ, мы, въ слѣдующихъ главахъ, перейдемъ на театръ военныхъ дѣйствій и въ обстоятельномъ обзорѣ представимъ дѣйствія русскаго войска въ 1758 году. Такъ мы остановимся на взятіи городовъ Кенигсберга, Эльбинга, Торна, Познани и на одной изъ кровопролитнѣйшихъ битвъ въ семилѣтнюю войну—при Цорндорфѣ.

МИХАИЛЪ СЕМЕВСКІЙ.

хотѣлъ дать мѣсто премьеръ-маіора въ конной гвардіи, съ чинномъ генералъ-маіора и орденомъ св. Анны. Заслуги Камынина, судя по челобитью его дядюшки, состояли въ томъ, что онъ его домашнія нужды исправлялъ, въ бытность дяди въ ссылкѣ выхлопоталъ ему снисходительнаго начальника караула и вообще, ради преданности къ дядѣ, «въ страхъ былъ». Бывшему саксонскому, при нашемъ дворѣ, министру, тайному совѣтнику Функу, Бестужевъ просилъ орденъ св. Александра, потому что Функъ «за меня много гонимъ былъ». На томъ же основаніи онъ ходатайствовалъ за родственниковъ покойнаго Бернардія и т. п. Увѣренность, съ какою просилъ Бестужевъ, что-де ему ужъ никакъ не будетъ отказано, замѣчательна.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ СТАТЬѢ:

ПРОТІВНИКИ ФРИДРИХА ВЕЛИКАГО.

I.

ОТВѢТЫ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ФЕЛЬДМАРШАЛУ АПРАКСИНУ НА ЕГО РЕЛЯЦИИ 1759 ГОДА.

1.

Господинъ фельтмаршалъ.

При отправленіи моего къ вамъ писма получена была реляція отъ 29 іюля изъ Гумбинахъ, по которой имѣю то вамъ присовокупить дабы смертельныя экзекуціи нечинить прусскимъ крестьянамъ; вамъ извѣстно что я положила: дабы не отнимать ни у кого жизни, а на казывать ихъ другими наказаніями по мѣрѣ ихъ преступленія; а паче с теми весьма осторожнее которые намъ не присегали, ибо должно разсудить что они исполняли только свой долгъ и присягу.

По показанію гусара плѣннаго прусскаго что фельтмаршалъ Левольдъ стоитъ подъ Венау, куда вы намерены посѣщать невзирая на авантажное непріятельское мѣсто і укрепленій его атаковать; о чемъ вы должны имѣть разсмотрѣніе и стараться его изъ онаго мѣста выживать, безпокоить, отнимая все ему удобства, а съ такими для него выгодами неиннако какъ много людей жертвовать сперва должно докуда непритить къ настоящему делу. Что же вы генералитеть и вся армія показываютъ великую к тому охоту чемъ я весьма довольна, и никогда несомневалась о верности ихъ і искренности къ службѣ государства и моей.

Полковника Стоянова за его храбрость жалуемъ въ бригадиры. Прочимъ находящимся при оной партіи окажите наше удовольствіе і надежду которую мы всегда на ихъ искусство и усердіе имѣемъ.

Писано секретарской рукой.

2.

Господинъ фелтмаршалъ.

При отъездѣ вашемъ, между прочимъ и то от меня поручено было дабы все важныя известія по нынѣшнимъ военнымъ дѣйствіямъ прямо ко мнѣ адресованы были, дабы о томъ прежде извѣстно было, а потомъ въ конференцію, тому послѣднему репорты при моихъ прилагать можете которые от меня тотчасъ и отошлются. С великимъ сожаленіемъ вижу что въ армен много больныхъ умножилось, хотя я обнадежена что вы по оному все раченіе и стараніе употребляете, и притчину сего начала изыскиваете; ибо темъ оное более примѣчания заслуживаетъ, что способная нынѣшняя для кампированія погода, умеренныя марши, земля сверхъ своего избылія со всѣмъ почти сходная с нашимъ воздухомъ, все оныя обстоятельства главнѣйшія притчины, къ целости и здоровью людей бываютъ; я неоднократно слышала, что неумеренныя происходятъ отъ офицеровъ солдатамъ за малыя вины побой, которые ихъ какъ здоровья такъ и годности къ нашей службѣ липаютъ; ибо должно имъ знать различать вины, преступленіе своей должности, или непроворство въ экзерциціи, ибо солдатъ можетъ храбрый и добраго поведенія, погрѣша въ последнемъ подверженъ быть такимъ истязаніемъ, которое его совсѣмъ неспособнымъ учиняетъ, о чемъ изволите подъ рукою приказать смотреть і то по вашему разсужденію прекращать, зная притомъ, что все что подлежитъ к пользѣ нашей вы употребляете вы должны быть увѣрены о нашей къ вамъ повѣренности и надежде которую я на верности вашей ко мнѣ, и государству, имѣю, сіе столь важное дѣло которое вамъ от меня поручено зависить успѣхъ моего оружія вначалѣ: отъ власти и воли Божіей, отъ вашего искусства, вѣрности и храбрости подчиненныхъ вамъ людей; вы недолжны смотреть ни на какое внушеніе, вамъ приходли, ее, что легко быть можетъ, кон васъ в некоторое бы сомненіе о моей отмѣнности привести могли; ибо известно сколь отсутствія все такіе вредныя общему дѣлу вымыслы, больше безпокойства причиняются, бутте увѣрены, по многимъ знакамъ опытовъ моего благоволенія; и естли чтобы такое къ вамъ пришло, то обономъ изъясненіе прямо в собственные мои пришлите руки. Чтоже надлежитъ до военныхъ ныне дѣйствій сіе предаю в волю Божию, потомъ несомневаюсь что предосторожности противъ непріятели и все что к сохраненію моихъ подданныхъ будетъ то вы всеми своими силами старатся будите оному споспѣшествовать.

II.

ГРАФА АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА БЕСТУЖЕВА ПРИПАМЯТОВАНИЕ И ДОКЛАДЪ О ПРИНЕСЕНІИ ТИТЛА: «МАТЕРИ ОТЕЧЕСТВА», ЕКАТЕРИНѢ II.

26 февраля 1763 года.

1.

Припамятованіе,

Графа Алексѣя Вестужева-Рюмина сіятельнымъ и превосходительнымъ своимъ обратіямъ и сочленамъ, всевысочайше опредѣленной

отъ Ея Императорскаго Величества комиссіи о свободѣ російскаго дворянства.

Ихъ сіятельства и превосходительства вѣдать изволятъ, что не всѣмъ монархамъ равно, а тѣмъ только придаются отъ ихъ государствъ въ вѣчную славу похвальныя именованія, которые великое нѣчто въ пользу отечества и государства учинили. За неслетные труды и подвиги государя императора Петра Перваго, вѣ государства неустрашимаго полководца, внутри премудраго, справедливаго и милосердаго законодателя, російскихъ границъ разширителя, и добронравія въ сынахъ нашего отечества вкоренителя, по заключеніи съ Швеціею мира, въ знакъ долгаго благодаренія, торжественнымъ образомъ отъ всего государства принесено титло и названіе императора великаго и отца отечества. Подобно сему непризнаваемъ ли мы, а съ нами и вся обширная Россійская имперія, что Ея Императорское Величество, нынѣ благополучно государствующая императрица и самодержица Екатерина Алексѣевна, избавила Россію отъ предстоявшей уже опасности разрушенія сей имперіи, погубленія дорого приобрѣтенной славы, предвидимаго нга и самаго низложенія, съ отвагою въ томъ на жертву и собственной своей высочайшей особы. Не очевидные ль мы свидѣтели, колко Ея Императорское Величество, съ самаго вступленія своего на предопредѣленный ей, неслытанными судьбами, и подобно императору Петру Второму, и императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, отъ Бога и народа препорученный всероссійскій престоль, о благѣ и пользѣ сей имперіи, вообще попеченія и старанія предлагаетъ; сколь часто, особливо для внутреннихъ къ благополучію государства служащихъ установленій, Правительствующій Сенатъ своимъ монаршимъ присутствіемъ удостоиваетъ, съ какимъ неутомленнымъ приложаніемъ, и можно сказать, неусыпно съ самаго утра въ разсматриваніи и рѣшеніи вѣшнихъ и внутреннихъ государственныхъ дѣлъ трудится; и съ какимъ даже небреженіемъ дражайшаго своего здравія въ собственноручныхъ сочиненіяхъ и изданіяхъ премудрыхъ и преполезныхъ указовъ и учрежденій упражняется. Не имѣетъ ли все государство премногихъ уже опытовъ Ея Императорскаго Величества челоуѣколюбія, милости и милосердія, простирающихся и на тѣхъ самыхъ, кои высочайшую ея персону собственно оскорбили. Не надлежитъ ли паче всѣхъ вѣрноподанныхъ чувствовать намъ, говорю, всему російскому дворянству, всевысочайшее ея, сему благородному обществу являемое благоволеніе, прещедрымъ обѣщаніемъ свободы, для распоряженія которой мы здѣсь, при ея дворѣ, въ слѣдствіи даннаго намъ собственноручнаго, неслетно милостивыми израженіями наполненнаго повелѣнія собраны. И какъ сей неоцѣненный намъ даръ происходитъ не по нашему прошенію, но отъ собственной Ея Императорскаго Величества самодержавной деспотической воли, и единственно отъ ея благодѣющей руки; то не требуетъ ли тѣмъ больше наша всеподданнѣйшая должность изъять сей несравненной императрицѣ и самодержицѣ, сколько возможности нашей станетъ, отличное за то признаніе. Графъ Алексѣй Бесту-

жвѣ-Рюминъ, имѣя честь быть первымъ сочленомъ сего собранія, съ своей стороны за долгъ поставляетъ сіятельнымъ и превосходительнымъ своимъ сочленамъ и собратіямъ припамятовать, нешзволать ли они съ нимъ согласиться, по совершеніи настоящаго намъ порученнаго дѣла о свободѣ російскаго дворянства, и по полученіи на то монаршей конфирмаціи, учинить отъ сего собранія всеподданнѣйшій Ея Императорскому Величеству докладъ, со испрошеніемъ всемилоствѣйшаго дозволенія, дабы мы, соединясь съ Правительствующимъ Сенатомъ, смѣли Ея Императорскому Величеству корпусомъ и торжественнымъ образомъ, отъ имени всего російскаго дворянства и всего ей подвластнаго народа представить принимаемое на себя титуло и названіе «матери отечества». Чрезъ сіе изъясненіе рабскаго нашего признанія принесено было бѣ нѣкоторое благодареніе за ея не токмо ко дворянству показанную неизреченную милость, но и за всѣ ея, для пользы своихъ вѣрноподанныхъ прилагаемыя безприкладныя, и самый ея полъ превосходящія попеченія, старанія и труды. Въ семъ припамятованіи гр. Бестужевъ-Рюминъ тѣмъ больше согласованія сего собранія надѣется, что помянутое титуло и именованіе придается Ея Императорскому Величеству не по ласкательству или рабству, но что оно по истиннымъ и сущимъ ея достоинствамъ и добродѣтелямъ ей точно принадлежитъ; что къ сему приношенію, конечно, сердца всѣхъ сыновъ російскихъ вообще и безъ того къ ней пылающіе совершенно готовы; и что кажется знаменитѣе и справедливѣе сего случая къ помянутой отъ насъ посвящаемой жертвѣ быть не можетъ. Но сколько графъ Бестужевъ-Рюминъ ни старался бѣ несравненныя Ея Императорскаго Величества добродѣтели, и оказуемые любезному отечеству безприкладныя одолженія показать, однакожь не находя довольно силъ оныя во всемъ ихъ пространствѣ представить и изобразить, не можетъ, какъ оставить на труды сего собранія вообще, чтобъ въ подносимомъ Ея Величеству докладѣ, сколько возможно, въ достоодложную Ея Императорскому Величеству честь и похвалу еще пополнено, и чрезъ то недостатокъ силъ графа Вестужева-Рюмина награжденъ былъ.

Подписано: Графъ Алексѣй Вестужевъ-Рюминъ.

26 февраля 1763 года.

2.

Всемилоствѣйшая императрица и великая государыня, мать отечества! При семъ имѣю честь, для всевысочайшаго извѣстія, поднести копію съ учиненнаго мною сего дня сочленамъ своимъ припамятованія о принесеніи Вашему Императорскому Величеству, справедливо принадлежащаго, титула и названія: *матери отечества*.

Сколько дерзновеніе мое велико, что я безъ позволенія Вашего Императорскаго Величества на то отважился, столько жъ находилъ я, всемилоствѣйшая государыня, въ семъ поступкѣ и рабской моеи усердной должности. Больше же всего ласкался я надеждою, что Ваше Императорское Величество за то не прогнѣвается, когда у же

подаваемый мой еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ о томъ прозкъ неотри-
нуть, но паче, по всемилостивѣйшей апробаціи, только за рановремен-
ный признать соизволили, что изливаемая вами, всемилостивѣйшая
государыня, безъ ласкательства сказать, безприкладныя благодаренія
и одолженія къ любезному отечеству, неотмѣнно сего изъявленія
рабской благодарности требуютъ, и что достойнѣе къ тому случая
быть не можетъ, какъ по совершеніи обѣщаннаго неоцѣннаго дара
россійскому дворянству.

Со всѣмъ тѣмъ, если мой поступокъ монаршей благоугодности
неудостоится, всенжайше Ваше Императорское Величество прошу,
оний милосердо отпустить, и извинить тѣмъ безпредѣльнымъ усер-
діемъ, какое я при всѣхъ случаяхъ къ славѣ вашей имѣю и имѣть
непрестану.

Во упованіи чего есмь со всеглубочайшимъ респектомъ и вене-
раціею.

Всемилоствѣйшая императрица и великая государыня, мать оте-
чества, Вашего Императорскаго Величества всеподданный рабъ и вѣр-
ный слуга

Графъ А. Бестужевъ-Рюминъ.

26 февраля 1763 года.